

Татьяна Славина
Черный дар

Плененная тьмой

Татьяна Славина

Черный дар. Плененная тьмой

«Издательские решения»

Славина Т.

Черный дар. Плененная тьмой / Т. Славина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835349-9

Вторая книга трилогии «Черный дар» повествует о том, как, не сумев навязать черный дар внучке, старый колдун решает сделать своим наследником ее будущего сына. Для этого он должен заманить женщину в Навь — мир мертвых. Удастся ли матери уберечь дитя от Сил Тьмы?

ISBN 978-5-44-835349-9

© Славина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 6	25
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Черный дар Плененная тьмой

Татьяна Славина

© Татьяна Славина, 2020

ISBN 978-5-4483-5349-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

На рассвете в окошко бабки Поветихи постучали. Стук был совсем негромкий, но чутко спавшая знахарка тут же подняла голову. Дед Сучок мирно похрапывал на лавке в углу, кошка свернулась у него в ногах.

– Померещилось что ли? – бабка хотела, было, лечь снова, но, посмотрев на едва серевшее окошко, раздумала.

– Хватит зоревать, скоро коров доить. Старая стала, пока-то со своей Пеструхой, да с Поляниной Зорькой управлюсь! Оглянуться не успеешь, а уж в стадо выгонять надо.

Бабка сунула ноги в короткие валенцы, с которыми она по старости не расставалась и в летнюю пору. И тут снова раздался осторожный стук в окно.

– А и впрямь стучит кто-то. Неужто Светлана рожать надумала? Нет, не похоже, что это ее мужик за повитухой пришел. Он у нее горячий, сейчас бы уже пол-избы разворотил, не то, чтобы в окошко скрестись.

Поветиха, кряхтя и охая, прошаркала к двери, разминая ноги.

– Ну, кого это в такую рань принесло?

– Это мы, бабушка, – Поляна и Яся.

– Ох-ти! Неужто вернулись?

Бабка кинулась, было, отпирать засов, да остановилась. Раньше в деревне про запоры-то никто и не знал, не от кого было двери запиравать. Но в последнее время столько всего приключилось, что люди стали собственной тени бояться. А уж дом открыть чужаку – это и вовсе невиданное дело.

– Бабушка, ну отвори же!

– Голос, вроде, Ясин, – старуха прильнула глазом к щелке в двери, – но поостеречься не мешает. А ну-ка кто прикинулся, чтобы старую обмануть, из избы выманить? Сколько раз уже на волосок от смерти была. И все этот Чужак, все напасти от него.

В неверном утреннем свете бабка все же рассмотрела две женские фигуры. Но за ними стояли еще и две мужские! Поветиха в изнеможении опустилась на пол у порога, обливаясь холодным потом.

«Все, настал мой час! Не зря Чужак грозился ноги повыдергать, если я не перестану людям помогать. А как не помогать-то, коли в том нужда есть? Не Чужак же у Светаны роды принимать будет!» Бабка скосила глаза на мужа: не защитит ли? Нет, Сучок даже не проснулся, да и какой из него защитник – старый совсем уже.

А за дверью настойчиво упрашивали:

– Бабулечка, чего же ты боишься? Разве не видишь, мы это: я и мама.

– Она, верно, нас остерегается.

Голос-то знакомый! Неужто Славень?

Поветиха, преодолевая слабость в ногах, встала и вновь прильнула к щелке. Черный капюшон скрывал половину лица мужчины, но вот он откинул его назад.

– Славень! – Поветиха глазам своим не верила. Руки сами собой потянулись к засову.

– Ахти, гость наш дорогой! Где ж тебя, горемычного, десять лет носило? Почто жену с дочкой-то оставил, на одиночество обрек?

– Тише, тише, бабулечка, – Славень шагнул через порог и стиснул старуху в объятия, – не то всю деревню разбудишь. А мне пока на люди показываться не стоит. Да и Поляне с Ясей осмотреться надо. Вот разве что Зариму прятать не будем, – Славень указал на чернооую красавицу, робко поглядывающую на Поветиху из-под покрывала.

– А про меня опять забыли! – пробурчал домовой Шустрик, запамятавав, что он невидим для посторонних. – Хоть бы здешнему домовому представили, а то он на меня горшок со щами опрокинет – пропадет продукт.

Шустрик принялся к витающему в избе запаху вчерашних щей, и в животе у него заурчало. Поветиха, выбравшись из объятий кузнеца, стрельнула глазом на застывшего рядом с Ясей незнакомого парня.

– А это еще кто?

– А это – муж мой, бабушка! – Яся счастливо улынулась. – Зовут Атеем.

– Больше никого не привели? – старуха пошарила глазами по двору, на мгновение забыв о гостеприимстве.

– Не привели, бабушка, это – все! – засмеялась Поляна, обнимая старуху.

– Как это – все! – возмущенно засопел Шустрик. – Я что, пустое место?

...Поляна обняла корову за шею и нежно погладила ее по теплому носу.

– Зоренька, красавица моя! Соскучилась по хозяйке?

Зорька покосилась на нее лиловым глазом, шумно вдохнула знакомый запах и привычным движением подставила шею: чеши! Это была любимая ласка коровы и одновременно знак ее полного доверия.

Поляна почесала Зорьке шею, подкинула в ясли сена и принялась доить. Какое блаженство – снова услышать звуки молочных струй! Сытные вздохи жующей жвачку коровы, щебет воробьев под стрехой, дальний зов пастушьего рожка: все такие родные звуки легкой дрожью отдавались в сердце женщины. Ни о чем другом не хотелось думать. Поляна всеми силами старалась заглушить тревожный гул колокола, которым встретила их Самозвонная роща. Березы мирно шелестели на ветру, а колокол стонал: «Беда! Беда!» Этот стон слышали все: Славень и Атей, Яся и Зарима. Даже домовый Шустрик.

В сердце Поляны колокольный звон отдавался тревогой и страхом. Она сразу вспомнила рассказы старой цыганки Зельфы о том, как пробуждается в березовой роще невидимый колокол, предупреждая о беде, грозящей людям.

– О чем задумалась, доченька? – Поветиха ласково взглянула на Поляну из-за Пеструхи, которую заканчивала доить.

– Да так, бабушка, столько всего пережить пришлось за последнее время. Я тебе после обо всем расскажу. А вот как у нас в деревне, все ли ладно?

– Какое там ладно! – старуха тяжело вздохнула. – Еще до твоего ухода все наперекосяк стало, помнишь, поди. А как ты ушла – и вовсе все перевернулось с ног на голову. Веришь ли, из дома боязно выходить.

– Это отчего же, разбойники озоруют, что ли?

– Тут свои, деревенские, хуже разбойников стали. А все – Чужак. От него все зло. Он и мужиков наших испортил.

– Как это?

– А так. У него в огороде не репа, да капуста растут, а мак, да конопля. Он из них зелье делает, да мужиков и угощает. А те и рады одурманиться. Дела забросили, рожь не сеяли, коров – и тех бабы пасут. У плетней лебеда выше пояса – никто косу в руки не берет. Сена не заготовили вдоволь: много ли бабы с ребятишками накосят! Как скотина зимовать будет – ума не приложу?

– Ну, а бабы, бабы-то куда смотрят? Неужели на мужиков своих управы не найдут?

– Сначала ругались, иные даже отлучали своих любезных сама знаешь, от чего. Не помогло. Теперь, смотрю, и бабенки некоторые в хату к Чужаку шастать стали. Совсем стыд потеряли!

– А что же старики? Разве они не видят этого безобразия? Почему слово свое не скажут?

– Нету стариков, повымерли все. Один за другим, словно кто мор на них наслал. Одна я осталась, да Сучок мой. И то Чужак страшает, грозитя ноги повыдергать, коли людям помогать не перестану.

Бабка опасливо покосилась на дверь сараюшки и перешла на шепот.

– Про тебя сколько раз спрашивал, не вернулась ли. Как сбежали вы с Ясей, он седмицу мрачнее тучи ходил, погоню снарядил, да все напрасно. Ты его остерегись, дочка, как бы он тебе не напакостил.

– У меня теперь защитник есть, – светло улыбнулась Поляна. – И у дочки – тоже.

– Ну-ну, – Поветиха вытерла руки о передник и подхватила подойник. – Поживем – увидим.

Глава 2

Поляна хозяйским взглядом окинула свое подворье. За те несколько месяцев, что их не было дома, тут мало что изменилось. Разве что двор зарос муравой, да на огороде лебеда вымахала в пояс.

– И Серок нас не встречает, мама! – Яся словно подслушала мысли Поляны.

Славень хмуро глядел на дом, в котором столько раз бывал в мечтах, и пытался скрыть бушующие в душе чувства. Вот он, дом – почерневший от дождей за десять лет, с разошедшимися на солнце ступенями крыльца, с крышей, уже покрытой там и сям золотистыми пятнами лишайника. Неужели вот сейчас он переступит порог, который уже и не надеялся никогда переступить. Порог, за которым он оставил свое счастье? Возможно ли обрести это счастье вновь?

– Ну, и долго вы собираетесь топтаться перед избушкой? – Шустрик нетерпеливо толкнул приятеля в бок, выводя его из оцепенения. – Не понимаю, как можно было бросить великолепный замок ради этой хибарки? К тому же там уже есть домовой, так что быть мне не при делах.

Поляна тронула рукой калитку, та со скрипом отворилась. Нашупав руку мужа, женщина шагнула к крыльцу, улыбнулась Славеню счастливо и молодо.

– С возвращением тебя в родной дом, любимый.

В избе все было на своих местах, только покрытое пылью и паутиной.

– Смотри-ка, Атей, вот моя любимая голубая миска, – радовалась Яся, словно бы не замечая ни пыли, ни тяжелого спертого воздуха так долго пустовавшего жилища.

– Да, не хоромы! – Шустрик был явно разочарован. – Тесновато тут будет жить. Хорошо хоть Зарима у бабушки Поветихи осталась, вместо дочки и помощницы. Ай!

Домовой замахал руками, отбиваясь от кого-то невидимого.

– Да прекрати же щепаться, старый хрыч! Мне твоя изба даром не нужна. Мне другую обещали, новую. Что ж, мне и погостить у тебя нельзя? В конце концов, я – друг семейства. Стой, положи ухват на место! Да что же ты мисками швыряешься, разобьешь же!

Яся поймала неведомо, кем пущенную в Шустрика голубую миску, и расхохоталась, глядя на приплясывающего домового. Остальные тоже, конечно, поняли, кто это так неласково встречает их друга.

– Прости его, домовый-батюшка! – Поляна улыбнулась невидимому стражу своего жилища. – Позволь Шустрику погостить в нашем доме. Построим Ясе и Атею новую избу – он к ним уйдет. А тебе – спасибо, что дом наш охранял. Вот я сейчас кашки-то сварю и всех накормлю. Соскучился, поди, по кашке?

Судя по тому, что Шустрик перестал отмахиваться, старый домовый оставил его в покое. Мало того, Шустрик вдруг тоже стал невидимым, и только слабое шурушание в углу за печкой выдавало присутствие в доме двух хранителей.

– Должно быть, они поладили! – Атей улыбнулся Ясе.

– Вот и хорошо. По крайней мере, не будут путаться под ногами, пока мы станем наводить порядок в доме.

...На следующее утро полдеревни стояло под окошками избы Поляны и Славеня. Весть о том, что они вернулись, облетела округу в считанные минуты.

– Слыхали, Яся-то с женихом вернулась. Писанный красавец!

– Да какой там жених, они уж, поди, на Купалу слюбились, уж слишком уверенно он по деревне шагал. А Яся, Яся-то аж светилась вся от счастья!

– И когда же это ты все разглядеть успела, Ветка?

– А я дома сижу, к Чужаку в хату не шастаю. Вот и вижу все, что на улице делается.

– Язва ты, Ветка, вот что я тебе скажу. Подумаешь, зашла пару раз к мужику в огороде помочь. Он же бобыль.

– Он-то бобыль, да ты – мужняя жена. Совсем стыд потеряла?

– Да я и заходила-то за мужиком своим. Он от Чужака не вылезит, все зелье какое-то нюхает. Понюхает – и дурак дураком делается. Пропади он пропадом, Чужак этот!

– Да, не видать ему теперь Яси, как своих ушей, даром, что вербочку у нее на Весень отобрал. Вон у нее теперь какой защитник!

– И-и, милая, не больно-то он из-за Яси убивался. Слыхала я, что он к Поляне подкатывался, да отшила она его.

– А Поляна ему и вовсе не по зубам: мужняя жена, не вдова. Славеня ты видела?

– Нет, не видела еще. Где ж его столько лет носило?

– Должно быть...

Ветка не успела договорить: на крыльце показался высокий черноволосый мужчина.

– Славень! – в один голос ахнули селяне.

– Узнали? – усмехнулся Славень. – Ну, здравствуйте! А что, кузница моя еще не развалилась?

Бабы, до этого тараторившие без умолку, вдруг оробели и словно воды в рот набрали. Мужики тоже, молча, переминались с ноги на ногу.

– Да цела, цела твоя кузница, дядя Славень! – выступил вперед заводила деревенских парней Сил. – Я там работаю помаленьку: без кузнеца в деревне, сам знаешь, не обойтись. Мне б только подучиться немного. Пособишь в этом?

– Как не пособить, самого учили! – Славень широко улыбнулся. – Вот завтра и начнем.

... Чужак явился в тот же день, к вечеру. Молча, шагнул через порог, окинул пронзительным взглядом женщин и уперся в серые глаза Славеня.

– Вернулся, значит?

Кузнец оценивающе оглядел неприятного гостя и усмехнулся:

– А здороваться тебя не учили?

– Ты и так здоров, чего тебе лишнего желать? Дело у меня к тебе.

– Дело, говоришь? Ну да, без дела только друзья в дом приходят, а в друзьях ты у меня сроду не числился. Так чего тебе надо? Может, за дочкой пришел?

У Яси, прятавшейся за спиной Атея, сердце упало: что это отец говорит, неужели спасовал перед Чужаком?

– Дочка твоя мне без надобности – баб на деревне хватает: и в огороде помочь, и ночь скоротать. Я об избушке толкую, той, в которой родители твои жили. Мне Поляна поселиться в ней разрешила, а теперь что – прочь прогоните? Молодых в ней поселите?

– Ой, батюшка, нет! – Яся выглянула из-за плеча Атея. – Я в тот дом никогда жить не пойду: там Синюшку убили. Мы же новую избу строить собирались.

– Верно, дочка, новой семье – новое жилье. А ты – живи пока, – повернулся Славень к Чужаку.

Гость скривил губы в улыбке:

– Ну, вот и славненько. Заходи как-нибудь в гости, кузнец, потолкуем.

– Не о чем нам с тобой толковать. Иди, ужо.

Чужак еще раз стрельнул глазами в сторону Поляны и пошел вон из избы.

– Уф! – облегченно вздохнули женщины.

– Не нравится мне этот мужик, – заметил Атей. – Темный он какой-то.

– Не то слово: черный. Черный колдун, – мрачно подытожил Славень. – Я эту породу людей хорошо знаю. Слишком хорошо.

– Ладно, хватит о нем толковать! – Поляна с улыбкой подошла к мужу, понимая, какие воспоминания терзают его. – Давайте лучше вечерять. Каша в печи перетомилась. Сейчас молочка налью в кринку...

- Не трудись, Поляна, молоко наверняка прокисло.
- Как это прокисло, Славень? Я же только что Зорьку подоила. Где это видано, чтобы парное молоко прокисло?
- А помнишь, мамочка, однажды так уже случилось? И тоже после прихода в дом Чужака.
- Вот и я говорю: колдун в доме был, поэтому молоко непременно скиснуть должно. Поляна качнула подойник: молоко скисло.
- Теперь понятно, почему в деревне такое безобразие творится, – Поляна вспомнила рассказы Поветихи.– Это Чужак, черный колдун виноват.
- Нет, родная, не все так просто. Мой отец был колдуном, да и меня этим «даром» наградил. Однако таких бед от колдунов не бывает. Тут что-то другое скрывается. И я непременно разберусь, что именно.
- Но теперь у тебя нет прежней силы. И у меня – тоже, – огорченно промолвила Поляна.
- Колдовской силы нет, но человеческая – осталась. Значит, мы не только можем, но и должны бороться со злом. На то мы и – люди!
- Ага, дедушка Арсай тоже мне говорил не раз, что человек для того и создан, чтобы зло побеждать и в добро его переделывать – в этом смысл нашей жизни, – Атей взволнованно затеребил свою ладанку на груди, и – странное дело – ладанка показалась ему горячей.
- Яся ничего не сказала, но на сердце у нее стало тревожно и зябко.

Глава 3

Ночью Славеню не спалось. Мысли, одна тяжелей другой, терзали голову. Он то вставал, чтобы остудить пылающее нутро водой, то снова ложился, стараясь не потревожить домочадцев.

Под утро, забывшись тяжелым сном, он увидел склонившегося над лавкой отца.

– Что же ты, сынок, дар мой сохранить не сумел? Как теперь жить станешь – обыкновенным-то человеком?

– Да пропади он пропадом, этот твой дар, отец! Не хочу я людям зла, не заставляй меня снова браться за старое.

– Если и хотел, да не смог бы я тебя уже заставить. Истребила твои способности Поляна проклятая, не зря я тебе не велел на ней жениться.

– Что ж, отец, тебе – твое, а мне —мое. Уйди, дай спокойно жить, по-человечески.

– Живи, коли сможешь. У меня теперь другой наследник будет. Уж он-то меня не подведет.

– Наследник? О ком ты говоришь, отец?

– Поживешь – узнаешь.

Старый колдун исчез, истаял в темноте ночи. А Славень, словно в колодец, провалился в сон без сновидений.

Наутро только неясная тревога осталась от забытого при пробуждении видения. Наскоро выпив кружку парного молока с ломтем ржаного хлеба, Славень заторопился в кузницу. Атей увязался вместе с ним.

С замиранием сердца кузнец вошел в обветшавшее строение. Нет, оно не выглядело совершенно заброшенным: Сил что-то мастерил здесь в последнюю пару лет. Все инструменты были на месте, наковальня не покрыта слоем пыли, в емкости для закаливания металла – чистая вода. И все же что-то неуловимое подсказывало: нет в кузнице хозяина. Настоящего хозяина.

Славень тронул мехи горна, повертел в руках щипцы, поднял большой молот. Нет, он не показался ему тяжелым. Ручка удобно легла в ладонь, забывшую, что такое – трудовые мозоли.

– Ну, как, дядя Славень, все в порядке? – Сил возник на пороге кузницы, широко улыбаясь.

– В порядке, в порядке. Есть работа?

– А то! Тетка Росина сегодня коня приведет подковать, а подковы еще не готовы.

– Тетка Росина? Неужто овдовела, раз сама конем занимается?

– Нет, не овдовела, только от мужа ее толку, как от козла молока. Он от Чужака не вылезает, как и остальные наши мужики. Все какую-то дурь нюхают. Они и меня звали, да только мне это не интересно. А некоторые парни, друзья мои, тоже попались в сети.

В сети... Славень живо представил жирного черного паука в центре липкой паутины и сердцем почувствовал, как паутина эта накрыла всю его родную деревню. Да, с этим Чужаком нужно разобраться. Зря он, похоже, не выгнал его из отцовского дома. Хотя пустившее корни зло так скоро не вырвешь, это Славень понимал очень хорошо. Понял он и то, что не только мирная работа кузнеца предстоит ему в деревне. Придется бороться. Бороться со Злом.

«Поляна мне поможет, хоть и она лишилась своего светлого дара. И Яся, конечно, ведь у нее-то добрая сила осталась. И Атей», – кузнец тепло взглянул на юношу. Тот уже о чем-то толковал с Силом, разбирая в углу кузницы железо. «Эти – подружатся», – улыбнулся про себя Славень.

И верно, очень скоро Атей и Сил стали неразлучными друзьями. Деревенский заводила собрал парней с обеих улиц, тех, что не пробовали еще дурь Чужака, и они быстро заготовили в лесу бревна для будущей избы Атея и Яси. Раньше строительство нового жилья было в деревне большим общим трудовым праздником. Собирались все – от мала до велика. Мужики тесали бревна, собирали венцы, ладили крышу. Женщины готовили мох – конопатить щели, собирали по миске утварь для новоселов, варили еду для веселого пира в конце работы. Даже ребятам находилось дело: подать, поднести инструменты, убрать щепк. За два-три дня новое жилище было готово – и вся деревня садилась за столы, чтобы отпраздновать новоселье.

Теперь же строительство затянулось. Парней было немного, женщины сидели по домам, выполняя и свою, женскую, и мужскую работу, а мужики мутными глазами глядели из-за своих плетней и не трогались с места.

– Что же это такое делается-то? – бабка Поветиха, пришедшая навестить Поляну, стукнула сухим кулачком по лавке. – Где ж это видано, чтобы не помочь строить дом односельчанину? Да еще кому – дочке Поляны! Ты же полдеревни по весне от смерти спасла – вылечила. Где же стыд у этих мужиков неблагодарных?

– Да, странно это как-то, – Поляна задумчиво взглянула в окошко. – Раньше такого не бывало.

– Раньше! Забудь, что было раньше. Теперь все с ног на голову перевернулось. Как Синюшку убили, так и началось все это в деревне.

– Верно, с этого началось.

В голове Поляны словно дверь распахнулась в тот страшный день. Вот она подходит к избе своего свекра, у которой уже толпятся односельчане. Вороны орут на соседних деревьях, учуяли мертвечину. К коньку привязан труп деревенского дурачка Синюшки с растерзанной грудью. А сердце его кровавым комочком насажено на острие кола в плетне.

Поляна снова почувствовала в руках этот липкий комочек, как и тогда, когда сняла его с плетня. И так же, как тогда, у нее помутилось в голове. Снова она словно перенеслась в ночь, к избе свекра.

В окошке горел свет. Поляна подкралась поближе и заглянула в него. Свеча не стояла на столе, а висела над ним, озаряя трепетным светом собравшихся вокруг. Их было четверо: все в черных охабнях с капюшонами, из-под которых выглядывали бледные лица с дьявольски горящими глазами. Одного она узнала – это был ее свекор! И опять она не почувствовала никакого страха, только любопытство. Почему от черных фигур ни одна тень не скользнула по стенам? Почему пыль, густо устилающая все вокруг, ни разу не взметнулась под ногами пришельцев?

– Нам нужно дать понять этим людишкам, что мы пришли, а им – ха-ха-ха – пора убираться из этого мира, – снова говорит один из черных и поворачивается к окошку.

«Чужак!» – пронзает вдруг Поляну. Да, теперь она узнала его.

Женщина встряхнула головой – видение исчезло. А леденящее чувство смертельной опасности осталось. Зло, черное зло поселилось в деревне. И это она, она позволила ему угнездиться здесь, в старом доме свекра-колдуна.

– Как же быть, что теперь делать? – Поляна не заметила, что говорит вслух.

– Вот и я ума не приложу, как с этим бороться, – согласилась Поветиха.

– Бороться, вот именно – бороться! – Поляна схватила старуху за руки. – Мы будем бороться, бабушка. Мы сможем, мы – победим!

Для начала собрали сход женщин. Собрали тайно, чтобы не вызвать подозрения у одурманенных мужиков и Чужака. Просто в один из погожих осенних дней всем бабам приспело идти полоскать белье на реку. Там, у мостков, их уже ждали Поляна, Яся и Поветиха. Славень с Атеем остались дома, чтобы не выдать тайных намерений.

– Ну что, бабоньки, как живете? – Поляна окинула взглядом хмурых селянок.

– Да никак. Разве это жизнь: с утра до вечера – работа, работа, работа? Мужики совсем от рук отбились, палец о палец ударить не хотят.

– И ночью радости никакой, – пожаловалась пригожая молодуха.

– Какая уж тут радость, когда мужики нас просто не замечают. Вылупятся своими оловянными глазами – и в упор не видят.

– Мальцов – и тех Чужак к рукам прибирать стал: ходят к нему огород полоть.

– Какой там огород! В огороде том ни одного овоща не найдешь, все трава какая-то чудная, вонючая, да цветы алые. Те – красивые!

– Пропади она пропадом, красота эта! От нее-то самая страшная дурь.

– А что, бабоньки, не пробовали вы мужиков своих к Чужаку не пускать?

– Как же, Поляна, пробовали. Только они от этого еще хуже становятся, звереют, корчатся, зубами скрипят. Попадешься под руку ненароком – убьют!

– Как страшно! – Яся поежилась.

– Что же, так и будем терпеть это? – встряла Поветиха. – Пора, бабоньки, меры принимать.

– Какие такие меры? Что мы можем против мужиков-то?

– Многое можем, подруги, если сообща за дело возьмемся. Для начала – выгоним из деревни Чужака и огород его уничтожим.

– А как его выгонишь? Он тут крепко осел!

– Дом, где Чужак живет, – моего свекра. Я его в этот дом пустила жить, я его и выгоню из него. Только, чур – никому его к себе не пускать!

– Да кому он нужен, окаянный этот? Гнать его из села в три шеи!

– А чтобы мужики не помешали, – запрем-ка их в банях. Всех до единого!

– Верно, так и сделаем.

– А ну, как Чужак вернется?

– Не вернется. Мы не только огород его уничтожим, но и дом спалим.

– А что, если вместе с Чужаком?..

Вопрос неловко повис в воздухе. Бабы испуганно притихли.

– Нет, зло злом не победить, – твердо заявила Поляна. – Зло рождает новое зло. А вот добром победить зло можно, это я точно знаю.

– Что же, нам теперь привечать Чужака прикажешь?

– Да нет, не поняли вы меня. Привечать его не нужно, но и жечь живьем – тоже. Ему придется уйти, коли ни в ком поддержки не найдет. Согласны, бабоньки?

– Ну что ж, давайте попробуем. Попытка – не пытка!

– Нет, с таким настроем мы точно не победим. Никаких «если» и «попробуем»! Нужно быть твердо уверенными в своей победе – тогда победим непременно.

К решительному бою стали готовиться в тот же день. В каждой избе мели и мыли, уничтожали сорняки в огороде и возле изб на улице.

– Никак, завтра праздник? – недоумевали мужики.

– Праздник, праздник, любезный, неужто запамятовал?

– Хм, может, и запамятовал, – из одурманенной головы трудно было извлечь какие-то реальные воспоминания.

А женщины этим и воспользовались. К вечеру каждая натопила баньку, да и отвела туда мужа, а кто – и сына вместе с ним. Отвела, да там и оставила, не забыв проследить, чтоб не угорели, но и выбраться не смогли.

Бабка Поветиха ковьяляла из дома в дом с охапкой собранных трав.

– Вот, милая, – обращалась она к хозяйке, – я тебе травку принесла, зверобоем зовется. Повесь-ка ее в дверях дома, или под порог спрячь – Чужак к тебе войти не сможет. Сила в этой травке великая, не смотри, что мала: ни один колдун перед ней не устоит.

Те, кому не досталось зверобоя, закапывали под порогом ветку бузины, раскладывали полынь. Все эти растения должны были охранить дом от темных сил.

– Ну вот, теперь Чужак к нам не сунется, – радовались женщины.

– Не забудьте про хлев и бани, – наставляла Поветиха. – В деревне не должно остаться ни одной крыши, под которой колдун мог бы укрыться.

Поздним вечером Поляна и Яся сидели на крылечке и смотрели на звездное небо. Ущербная луна тонким серпом повисла над хлевом и почти не освещала притихшую землю.

– Скорее бы наступило утро, – Яся поежилась и прижалась к матери.

– Волнуешься? – Поляна обняла дочь теплой рукой.

– Конечно, волнуясь. Чужака гнать – это тебе не шутка!

– И не с такими трудностями справлялись, разве забыла?

– Нет, не забыла. Все-таки тревожно на душе. Как ты думаешь, Чужак ни о чем не догадался: ведь к нему сегодня ни один из мужиков не пришел?

– Может, и догадался.

– А знаешь, пойдем к его избе, посмотрим, что он делает?

– Что ты, Яся, ночь на дворе. Да и что изменится, если ты на колдуна сейчас помотришь?

– Ну, как хочешь, – подозрительно быстро согласилась дочка. – Тогда спать пойдем.

Яся на цыпочках пробралась в избу и юркнула под одеяло к Атею. Минуту они шушукались, а потом замолкли и дружно засопели носами. Поляна улыбнулась, распустила косы и тоже улеглась рядом со Славенем.

– Наконец-то угомонились, – пробурчал за печкой Шустрик. – И чего шастают всю ночь, домовым на ноги наступают? Выходи, приятель, молочка попить, каши поесть, – обратился он к домовому – хозяину. – А после в угольки поиграем.

Только домовые расположились на полу перед печкой, облизывая вымазанные кашей губы, как их снова потревожили. Атей и Яся тихонько выскользнули из избы и, крадучись, направились к дому Чужака. В его окошке издали была видна горящая свеча.

– Не спит. Ну, как он нас увидит?

– Мы – тихонько. Только заглянем в окошко – и назад.

Чужак был не один. Вокруг стола стояли еще три черные фигуры в охабнях.

– Смотри, вот этот, бородатый, как похож на Славеня, – чуть слышно прошептал Атей.

– Дед, – узнала Яся.

Сердце девушки затрепетало от страха и волнения. Она стиснула руку Атея и шагнула поближе к окошку.

– Чужак, дед, а эти двое – кто?

Незнакомцы были безлики. Нет, какие-то черты лица у них были, но до того невыразительные, что воспринимались как пустое место. А может, и в самом деле под капюшонами колыхалось белесое марево?

– Ну что, видно, пришел твой срок к концу, – глухой голос деда приподнял дыбом все Ясины волосы, хоть и обращен он был не к ней, а к Чужаку.

– Ты что же, думаешь, я испугался деревенских баб? – насмешливо возразил Чужак. – Да мне на них – плюнуть и растереть!

– Смотри, какой герой! Они тебя со всех сторон обложили, куда ни сунься – зверобой, да полынь.

– Ничего, я в избе отсижусь. Скоро уже снег ляжет, все травы занесет, морозом выстудит. Вот тогда они у меня запоют!

– Не ерепенься, милочка. Вижу, вижу, что ты не из трусливых. Только срок твой и вправду пришел: пора возвращаться домой. Уйдешь сегодня же ночью. То, что тебе сделать поручено было, ты сделал: селян разобщи, страх среди них посеял. А самое главное – к зелью приучил. Кому, как не тебе, должно быть ведомо, что каждый одурманенный – распахнутые ворота

из нашего мира – в их. Сколько таких ворот теперь в деревне? Стоит только нам захотеть – и хлынет через них Великий Хаос, разольется Тьмой по свету. Скоро, скоро уже...

– А не захлопнутся ворота эти без меня? Кто мужиков дурью снабжать будет?

– Да они сами и вырастят нужные травки. Кто к ним пристрастился, тот сам, добровольно, никогда от дури не откажется. А чтобы бабы нам не помешали, мы вот что сделаем: посеем семена трав окрест деревни, на опушке, у реки, в овраге. Всю травку не выполют, не уничтожат, – и колдун помахал перед носом Чужака мешочками с семенами.

– Дело говоришь, – согласился Чужак, принимая и пряча мешочки за пазуху. – Одно меня теперь только волнует: не останется у тебя наследника в деревне. Сын-то твой черный дар извел, по ветру развеял.

– Об этом не беспокойся, у меня другой наследник будет.

– Другой? Кто?

– В свое время узнаешь. А теперь – пора. Уберешься из деревни до света.

Колдун шелкнул трижды пальцами – и три темные фигуры исчезли. Чужак, оставшись в одиночестве, достал из-за пазухи мешочки с семенами, подбросил их на ладони, криво усмехнулся. Потом, завернувшись плотнее в черный охабень, шагнул к порогу.

Атей и Яся, не разбирая дороги, кинулись прочь от избы.

Наутро бабы, пришедшие гнать из деревни Чужака и жечь избу колдуна, не нашли ни того, ни другой. На месте дома и огорода колыхалась бездонная смрадная тряпина.

Глава 4

Зима выдалась лютая: ветреная, студеная. Сидя перед горящей печкой в новой избе, Яся вслушивалась в завывания ветра в трубе и зябко передергивала плечами.

– Как хорошо, что успели дом построить до морозов! – Яся не заметила, что думает вслух.

– Как же, построили б вы, кабы мы с приятелем не помогли! – проворчал из-за печки Шустрик. – Кабы не надоело мне бездомным домовым быть, и доселе бревна в лесу лежали бы!

– Ну, конечно, конечно, ты – главный помощник, – улыбнулась Яся. – Что бы мы без тебя делали?

На самом деле избу достраивали всей деревней, как в старые добрые времена. После исчезновения Чужака бабы прочесали не только все огороды, но и поля, луга, овраги окрест деревни, находя и уничтожая проклятую дурман-траву. Тем временем запертые в банях мужики, побуянив, покрушив все, что под руку попало, угомонились, наконец. Бабы «лечили» их, кто чем мог: огуречным рассолом, квашеной капустой, как после запоя, мочеными ягодами, отварами трав, а больше всего – вниманием и лаской. Не упрекали за былое, понимали, что во все виноват Чужак и его зелье.

Мало-помалу наладилась жизнь в селе. Снова застучали топоры, громоздя поленицы дров, выправились покосившиеся за лето плетни. И вот в один из нечастых ясных осенних деньков зазвенели по деревне песни. С топорами да пилами собирались парни и мужики в конце улицы, там, где Атей с Силом и товарищами уже успели уложить первые венцы новой избы.

– Эх, до чего же сладко работать всем вместе, до чего весело!

Не было в деревне ни одного человека, кто остался бы в этот день дома. Всем нашлось дело по силам. Визжали пилы, хохотали девки, ребягня сновала туда – сюда, помогая и путаясь под ногами взрослых.

К вечеру изба была готова. Конечно, вся деревня не могла поместиться в ней за крепким дубовым столом. Не беда! Расстелили скатерти прямо на траве, чуть схваченной морозцем, разложили на них нехитрую снедь – и началось веселье! Отгорела вечерняя заря, на смену солнышку вышла полная луна, а народ все никак не желал расходиться по домам. Праздновали не столько новоселье, сколько обретение прежней жизни, прежних обычаев, прежней радости.

Невидимый для селян, домовый Шустрик прохаживался по новому своему жилью, по-хозяйски трогал стены, источающие смолу, присаживался на принесенную кем-то лавку и довольно бурчал себе под нос.

Но, видимо, так не бывает на белом свете, чтобы радость никогда не перемежалась горем. В один из студеных дней середины зимы померла бабка Поветиха. Тихо и светло померла, на полуслове оборвав задушевный разговор с Заримой. Конечно, лет ей было немало, редко кто из стариков в деревне уходил в мир иной, прожив более долгую жизнь. И все же весть о смерти знахарки поразила деревню, как гром среди ясного неба. Бабы голосили с надрывом, как по родной матери, мужики сурово смахивали со щек слезы. Дед Сучок, незаметный и потерянный, тихонько сидел в уголке на лавке и то ли всматривался в заострившееся лицо мертвой жены, то ли переживал вновь проведенные с ней годы. Женщины, обряжавшие покойницу, не сразу и заметили, что Сучок не дышит. Не захотел старый оставаться один, ушел с женой в дали далекие.

Так и похоронили две колоды рядышком. Осталась Зарима, приемная дочка стариков, одна-одинешенька в избе знахарки. Сначала селяне по привычке забегали в этот ветхий домишко, ища помощи от хвори, да только чем могла им помочь пришлая красавица? Поветиха, чуявшая скорый свой конец, стала, было, обучать девушку, показывать ей пучки сушеных

трав, нашептывать заговоры. Только не получилось из Заримы прилежной ученицы, чужой она была, чужой.

Потянулись тогда страждущие к Поляне, вспомнив, как по весне спасла она от смерти полдеревни. Но и Поляна ничем не могла помочь: потеряла она свой дар, погасив светлым пламенем черное родовое проклятье колдуна-свекра.

И тут вдруг обнаружилось, что не покинули Боги деревню, не лишили ее целительницы. Яся, то, вспоминая, как они с матерью лечили людей на далеком острове Крит, то, действуя по наитию, стала помогать односельчанам избавляться от хворей. Случилось это после того, как однажды ей приснился дивный сон. Виделось девушке, будто лечит она людей, причем лечит мысленно, не выходя из избы. Она даже не прикасалась к страдальцам: просто представляла себя рядом с ними, представляла, как водит над ними руками, вытягивая и сбрасывая с рук наполняющую больные места черноту. А после уже слышанный однажды голос прошестел в просыпающейся голове: «Иди, лечи, это – твое предназначение».

И Яся стала лечить. А роженицам помогала Поляна: тут не требовалось никакого особого дара, просто женский опыт.

– Мама, а это страшно – рожать? – как-то спросила Поляну дочка.

– Почему страшно? Нет, не страшно. Конечно, больно, но боль эта быстро забывается.

Поляна внимательно посмотрела на дочь:

– А что это ты про роды спрашиваешь? Неужто...

Щеки Яси вспыхнули румянцем, ресницы принакрыли заблестевшие глаза.

– Угадала, мамочка.

– Доченька моя милая! – Поляна обняла Ясю и поцеловала в макушку. – Счастье-то какое! Скоро?

– Нет, не скоро еще. Думаю, в середине лета.

– Вот и хорошо, вот и славно. Атей-то знает?

– Нет. Ты ему пока не говори, и отцу – тоже. Пусть это будет нашим секретом.

На том и порешили. А мужчины так и не смогли угадать, о чем это шепчутся мать и дочка, пока слегка округлившийся Ясин животик не навел их на нужные мысли.

В самом начале весны, когда сугробы еще и не думали таять и только необычайно свежий, будоражащий вкус воздуха указывал на то, что зиме – конец, Атей засобиравшись в дорогу. Очень не хотелось ему покинуть беременную жену, да ничего поделать было нельзя: потомок скитских царей был связан словом и должен явиться на ежегодный сход.

– Ты прости меня, Ясочка, придется тебе без меня рожать, – шептал Атей, целуя пальчики жены. – Путь неблизкий, скоро не вернусь.

– Я понимаю, понимаю, – Яся виновато прятала слезы, но дрожащий голос все равно выдавал ее печаль. – Конечно, ты должен, ты просто обязан принять посвящение. Но потом, потом ты вернешься?

– Разве может быть иначе? На крыльях буду лететь к тебе, родная. К тебе и нашему сынишке.

– Откуда ты знаешь, что у нас будет сын? И разве дочке – не обрадуешься?

– Конечно, обрадуюсь, но потом, когда она, в самом деле, родится. А первенцем будет сын, вот увидишь!

– Чудные вы, мужики, – Яся даже чуть-чуть обиделась. – Разве женщина – не человек? Отчего вы все хотите непременно сына?

– Не обижайся. Мне все наши дети желанны. Просто первым будет сын. Я знаю.

Атей положил руку на живот Яси и улыбнулся.

– Сынишка! Зорень.

– Ну, вот и имя уже придумал, – рассмеялась Яся. – А что, хорошее имя, светлое.
– Береги себя, любимая. Себя и нашего сына.

На рассвете Атей ушел. Яся проводила его да околицы, поцеловала в последний раз. Она не плакала: пусть муж вспоминает ее не зареванной, пусть сердце его будет спокойным. С нею ничего плохого случиться не может, ведь рядом – отец и мать.

О том, что в пути Атея подстерегают опасности, Яся старалась не думать. Он – сильный! Не помри бабка Поветиха, она бы помогла. От нее Яся слыхала, что, провожая близкого человека в дорогу, нужно зашить ему в одежду оберег – прядь своих волос – нашептать заговор и плеснуть вслед водицы. Вот только слова заговора унесла знахарка с собою в могилу.

Яся все же отрезала у себя волосы, перевязала светлый завиток красной ниткою и зашила в ферезею Атея. И воду плеснула. А слова шепнула свои, какие сердце подсказало:

– Ой, как сокол из гнезда вылетает,
Путь далекий его ожидает:
Полетит он над водами текучими,
Полетит над лесами дремучими,
Полетит над острыми кручами.
Пусть в пути его мой оберег защищает,
Чтобы горькой воды не напитокся,
Чтоб в лесу чужом не заблудиться,
Чтоб об острые кручи не разбиться.
Пусть поможет ему солнце красное,
Чтоб была путь-дорога ясною,
Пусть поможет ему луна нежная
И как мать к нему будет бережная,
Пусть помогут ему ветры буйные,
Пусть не буйствуют, лишь посвистывают,
Чтобы крылья его были быстрыми,
Чтоб далекий путь укорачивали
И к родному гнезду поворачивали,
Чтоб не стояло гнездо опустелое,
Чтоб не маялась семья осиротелая.

Давным-давно исчезла, истаяла на дороге фигура уходящего Атея, а Яся все стояла у околицы и всматривалась вдаль. Перед ее внутренним взором мелькали какие-то лица, почерневшие венцы незнакомых изб, темные лапы елей и звенящие стволы сосен. «Далека твоя путь-дороженька, сокол мой ясный, – думала Яся. – Так бы и побежала за тобой следом, но – нельзя, нужно сына беречь. Зорень!» – девушка с улыбкой погладила свой живот. Вот тут, прямо под ладонью толкнул маму ножкой малыш: не забывай, мол, обо мне.

– Не забуду, не забуду! – уже вслух сказала Яся. – Не замерз, сыночек? – и она заботливо укутала живот шалью.

Постояла у околицы еще несколько мгновений и побрела домой.

Без Атея дом утратил все свое очарование. Тусклый свет из окошка, блеклые цвета мисок, огонь в печи – и тот невеселый. Яся села на лавку у окошка и задумалась. Она не сразу заметила, как возле печки возник домовый Шустрик. Потоптавшись немного, пошаркав для приличия ножкой, хранитель очага не вытерпел и громыхнул стоящим рядом ухватом.

– Да заметишь ты меня, наконец, Яся? Я уже три часа здесь стою!
– Шустрик? – девушка рассеяно поглядела на домового. – Чего тебе?
– Как это – чего? Я домовый, или куль с отрубями?
– Домовой, конечно. Так что с того?

– Что – что, – Шустрик возмущенно засопел. – Тебе домовый явился. Обязана спросить: к добру – или к худу?

Яся невесело рассмеялась:

– Я тебя по двадцать раз за день вижу. Что ж, каждый раз – спрашивать?

– Каждый раз – не надо. А сейчас – спроси!

– Ну, хорошо—хорошо. Спрашиваю: к добру – или к худу?

– То-то, порядок соблюдать надо! – домовый удовлетворенно улыбнулся, но тут же скривил физиономию в горестной гримасе и запричитал:

– Ой, к худу, к худу, к худу!

Сердце Яси оборвалось: Атея ждет беда.

– Да ничего худого с твоим муженьком не случится! – домовый досадливо поморщился недогадливости хозяйки. – Это тебя худо ждет, на пороге стоит, в двери стучится.

– Тьфу ты, проказник, напугал как! – Яся облегченно вздохнула. – Раз с Атеем все будет хорошо, мне бояться нечего: со мною отец и мама, жизнь в деревне тихая, да мирная настала. Ну, скажи, что пошутил, а, Шустрик?

– Я при исполнении, – оскорбился домовый. – Уговаривать тебя не буду. Хочешь – верь, не хочешь – не надо.

И он растворился в воздухе, словно бы и не стоял никогда возле печки.

– А вдруг и вправду Шустрик не к добру явился? – испугалась вдруг Яся. – Как он сказал – худо на пороге стоит, в двери стучится?

Девушка соскочила с лавки и выглянула в сени – никого. Но на душе от этого не стало спокойнее.

– Пойду-ка я к родителям, – решила Яся.

– Иди—иди, пробурчал себе под нос Шустрик и с чувством исполненного долга запустил палец в кринку со сметаной.

Не успела Яся выйти во двор, как от калитки к ней метнулась пожилая женщина.

– Беда, Ясенька, ох, беда!

У девушки ноги подкосились: вот оно.

– Мужика моего удар хватил! – голосила между тем тетка Мякиниха. – Поднял сена навильник, да так до хлева и не донес, посреди двора свалился. Рот ему перекошило, слова сказать не может. Одной рукой кое-как шевелит, а другая – ну прямо плеть плетью. Мы его, горемычного, с детворой-то кое-как в избу затащили, на лавку пристроили. Что делать теперь, что делать?

– Подожди, тетушка, дай подумать.

Яся прислонилась спиной к стене дома, прикрыла глаза, будто думает. А у самой ноги подкашиваются. О чем же предупреждал домовый, о чем? Неужели чужая беда – это ее «худо»? Да с этим «худом» она уже который месяц живет, всем, кому может, помогает. Сказано же ей было: это, мол, твое предназначение.

– Ладно, потом разберемся! – Яся решительно оттолкнулась от стены и шагнула к односельчанке. – Пойдем, тетушка, посмотрим, что можно сделать.

Глава 5

Домой Яся возвращалась уже в сумерках. Устало переставляла ноги, то и дело спотыкалась и скользила по схваченной ледком тропе. Сквозь усталость теплым огоньком пробивалось удовлетворение: помогла-таки она дядьке Ивеню. Вот только как бы до дома добрести?

Окошко избы бабки Поветихи тускло мерцает впереди.

– Видно, Зарима лучину засветила, прядет, поди, – вяло соображает Яся. – Зайду, отдохну немного. Эх, была бы бабушка жива, напоила меня травяным чаем, усталость бы как в воду канула!

Черноглазая красавица была не одна. Смущенно потупив очи, она кивнула на незнакомого мужчину, сидящего на лавке у стола:

– Вот, Яся, путник ко мне на огонек забрел. Вечеряем. Поешь с нами?

«Путник»? – тревожно польхнуло в голове девушки. Но она тут же одернула себя: что же, после Чужака теперь всю жизнь пришедших людей бояться будем?

– Хлеб да соль! – поклонилась.

– Ты меня, красавица, не бойся, – голос путника низок и глубок. – Я в вашей деревне только на ночь задержусь, а потом – снова в дорогу. Твой муж теперь тоже где-нибудь ночует у добрых людей.

«И правда! – подумала Яся. – Сколько путников по свету бредет, не все же со злом об руку. Зря я всполошилась».

Девушке и в голову не пришло поинтересоваться, откуда незнакомец знает, что она провела мужа в путь – дорогу?

Тем временем Зарима поставила на стол еще одну миску с густыми горячими шами. От аромата разопревшей капусты у Яси засосало под ложечкой: она с утра ничего не ела. Малыш требовательно заворочался в животе – долго, мол, ты меня будешь голодом морить, непутевая мамаша?

– Спасибо, Зарима! – Яся подседа к столу с наслаждением хлебнула горячего варева из деревянной ложки.

– Откуда идешь, подружка? – поинтересовалась хозяйка.

– Да вот дядьку Ивеня лечила, удар его хватил.

– Лечила? – незнакомец удивленно взглянул на девушку.

– Она у нас в деревне всех лечит, – доложила Зарима с гордостью. – Не смотри, что молодая такая. Прежняя знахарка, бабушка Поветиха, померла этой зимой, теперь Яся – вместо нее.

– И не боишься? – басовито поинтересовался путник.

– А чего бояться-то?

– Как это – чего? Ты же ребенка ждешь, разве за него не боязно?

– Да ко мне никакая зараза не пристаёт, – улыбнулась Яся.

– Не будь такой самоуверенной, девонька. Ведомо ли тебе, что болезни посылаются людям Богами за жизнь несправедную? Страданием человек грехи свои искупает, очищается. А коли ты кому помогла, от боли его избавила, то тебе и грех его искупать.

– Это что же, я вместо него заболею?

– Ну, если не ты, то – твой ребенок.

– А я и его вылечу.

– От одной болезни вылечишь – другая приключится, еще страшней. И эту вылечишь – судьбу ему покалечишь. А коли и это не испугает, то последняя, крайняя мера есть у Богов – смерть.

– Это что же, мой малыш должен за все чужие грехи страдать?

– А все от тебя зависит, милая. Это ты сына чужими карами нагружаешь через знахарство свое.

– Не верю я тебе, дядька. Бабушка Поветиха всю жизнь людей лечила, сама не болела и померла уже совсем старенькой. Куда же кара Богов подевалась? Детей-то у нее не было.

– Вот то-то и оно: не было. А, поди, хотелось ребеночка-то!

– Ты, дядька, от ответа не увиливай! – раскрасневшаяся Яся в упор взглянула на незнакомца.

– Чего ж тут увиливать? Скольких младенцев Поветиха ваша приняла, скольким пуповину завязала? Каждого младенца и наградила чужим грехом-то. Вот как ты – своего.

– Неправда, неправда! – Яся вскочила с лавки, прикрывая живот ладошками. – Я своему ребенку – не враг.

– А коли не враг, то и береги его. А те, кто болеет, пусть сами свою боль выстрадают, свои грехи искупят.

Всю ночь Яся не сомкнула глаз. Прикидывала и так, и эдак. По всему выходило: прав дядька. Девушка отчетливо вспомнила, как они с Поляной лечили наставника Атея, старика Арсяя. Вылечить-то вылечили, но что было потом! И суток не прошло, как старик погиб лютой смертью от ножей критских стражников. То же искупление грехов: смерть, только более страшная. Не знает Яся, были ли у Арсяя дети, и как аукнулось им невольное уклонение от искупления отца, но вот судьба подопечных – Атея и его сестры Персилы – от этого явно не улучшилась. Девушка с содроганием припомнила, что пришлось им побыть в шкуре таврополов, танцуя между жизнью и смертью. А как изменилась судьба самой Яси и ее матери после работы лекарями! Ведь они столько раз были на волосок от гибели. Раньше, до того, как открылся целительский дар, жизнь матери и дочери катилась ровно и гладко.

Яся перебирала в уме события последнего года, ища новые и новые доказательства правоты прохожего дядьки, и почему-то забывала, что беды навалились на них гораздо раньше, тогда, когда единственной знахаркой в селе была бабка Поветиха. Ей и в голову не пришло искать опровержения подкинутым ей мыслям. Страх за ребенка крутил колесо ее дум только в одну сторону.

Под утро девушка забылась тяжелым сном. Ей приснился Атей. Улыбаясь светло и ласково, он прикасался теплыми ладонями к ее животу, что-то нежно говорил не родившемуся еще сыну. Вдруг он строго взглянул на жену и голосом прохожего дядьки сказал:

– Не смей вредить нашему Зореню! Пусть те, кто болеет, сами выстрадают свою боль, искупят свои грехи!

...Кто-то барабанил в дверь. Шустрик, не решаясь разбудить хозяйку, переминался возле лавки с ноги на ногу.

– Ох, бедная моя головушка! – шепотом причитал домовой. – И зачем я связался с этим семейством? Сплошные колдуны, да лекари. Никакого покоя! Только уснешь – стучат! Когда же это кончится?

За дверью не успокаивались. Стук становился все громче и громче.

– Да проснись же, хозяйка! – не выдержал домовой. – Не то двери вышибут. Эх, кому-то приспичило!

Яся подняла с подушки тяжелую голову.

– Что, стучат?

– Стучат, стучат, милая. Опять, поди, у кого-то зуб разболелся, а может, понос прихватил. Выйди, будь ласка, не то крыльцо обгадят: вишь, как им невтерпеж!

Яся, по привычке, вскочила с лавки, готовая мчаться на помощь больному односельчанину. Но тут Зорень, что было силы, толкнул ее изнутри.

– Ой! – Яся снова опустилась на лавку. – Ты не хочешь, чтобы я выходила?

Она погладила живот.

– Яся, Яся, отвори скорей! – за дверью звенел голос молодой женщины. – Сыночек мой в лихорадке горит. Помоги! Помоги!!!

Ноги сами понесли Ясю к двери, руки отодвинули засов.

Сыну Ветелы было лет пять. Яся хорошо знала этого белобрысого веселого карапуза. Любопытные, широко распахнутые в мир глаза, крепкие загорелые ножки, ямочки на щеках...

Яся не сразу сообразила, что это он обмяк на руках матери, обхватив ее шею вялыми ручками.

– Заходи, положи мальчонку на лавку, – все ночные страхи Яси в момент улетучились при виде страдающего малыша. – Я сейчас, сейчас.

Пристроившись рядом с ребенком, Яся привычно сосредоточилась. И – опять толчок изнутри, на этот раз гораздо слабее.

– Потерпи, сыночек мой, потерпи, – Яся одной рукой поглаживала свой живот, а второй пыталась вытянуть жар из больного ребенка.

Зорень не хотел терпеть: он толкался и ворочался в животе мамы.

Солнце уже всю светило в окошко, когда изнемогшая знахарка отошла от лавки, на которой разметался малыш Ветелы. Светлые его волосенки были мокры от пота, крупные капли поблескивали на лбу и переносице, щеки еще не утратили лихорадочный румянец. Однако прежнего жара уже не было, дыхание стало ровным, спокойным.

– Ветела, возьми-ка полотенце вон там, у печки, да оботри сыну пот, – устало проговорила Яся. – Теперь он поспит до вечера, а после отнесешь его домой.

– Неужто выздоровел мой сыночек? – Ветела боялась поверить своему счастью.

– Он еще слаб пока, но скоро поправится. Будешь поить его кислицей, есть захочет – похлебкой покорми.

– Покормлю, покормлю, родимая.

Ветела радовалась и не замечала, что вылечившая ее сына молодая женщина сама еле стоит на ногах. Зато это заметил домовый Шустрик. Как-то сами собой оказались подушки под боками опустившейся на лавку Яси, на колени легла теплая шаль, укрывая и живот, и ноги. Зорень больше не толкался изнутри. « Может, пригрелся и заснул»? – подумала Яся и тоже смежила глаза.

И снова ей приснился Атей. На этот раз муж был хмур и неласков.

– Так-то ты бережешь нашего сына? – укоризненно говорил он и гневно сверкал глазами. – Ты же чуть не уморила его насмерть сегодня! А сколько еще бед предстоит ему перенести из-за тебя? Не смей переваливать на сына чужие тяготы! Не смей! Не смей!

– Как же мне быть, Атей? Ведь ко мне люди бегут со своими бедами, у меня помощи просят. Как же я смогу отвернуться от них, не пособить, не облегчить боль?

– А ты смоги. Ты же – мать, ты должна защищать своего ребенка, помогать, прежде всего, ему. Дай хотя бы ему родиться, не нагружай чужими грехами до срока.

– Но как же я объясню людям, что не могу помогать им, чтобы не навредить сыну? Как? Как?

Яся тянет руки к Атею, но на его месте – прохожий дядька.

– Те, кто болеют, пусть сами свою боль выстрадают, свои грехи искупят! Сами, сами... – гудит он.

Закатное солнышко уронило лучик на щеку Яси. Девушка открыла глаза и осмотрелась. Ни Ветелы, ни ее сына в избе уже не было. Домовой Шустрик сидел на печке, свесив вниз ноги, и горестно вздыхал.

– Бедный я бедный, несчастный домовый! Никто меня не покормит, никто не приголубит! Славень меня забыл, в гости не идет. Хозяйка печь не топит, щи не варит. Помру с голоду, замерзну на холодной печи!

– Ну что ты, Шустрик, причитаешь, словно сирота на поминках матушки? Сейчас, сейчас я тебя накормлю. Да я и сама проголодалась. А ты, сынок? – Яся погладила себя по животу.

Зорень не отзывался.

Яся припомнила давешний сон. Ей стало страшно: неужели она опять навредила малышу? Проворные руки сами собой делали привычную работу – положили в печь дрова

и разожгли огонь, поставили на загнеток горшок со вчерашними щами, – а в голове все свербела одна и та же мысль: неужто прав прохожий дядька? Неужто я стала врагом собственному сыну? Неужто мое лечение отзовется его бедами и болезнями?

Яся остановилась посреди избы и твердо спросила себя: « Кто тебе дороже – твой сын, или односельчане, что идут к тебе за помощью»? И так же твердо она ответила себе: « Мой сын. Да, конечно, сын»!

...Черное пламя свечи разгоняло свет на глухой лесной поляне. Благодаря этому крошечному источнику тьмы, солнечные лучи путались где-то в кронах окружающих поляну деревьев, но не проникали в середину зыбучего черного шатра. Рядом со свечей на поваленной осине сидел старый колдун, отец Славеня. Это для них, для людей, населяющих Белый Свет, он был мертв. В Черной Тьме он был живехонек. Но в том-то и весь фокус, что не сиделось колдуну в темном мире, казался он ему маленьким и тесным. И не ему одному. Все обитатели Великого Хаоса стремились расширить свой мир до бесконечности.

На окраине поляны показался тот, кого Яся окрестила Прохожим Дядькой. Ни на секунду не задержавшись, он шагнул через границу Света и Тьмы и оказался рядом со старым колдуном.

– Ну? – колдун явно требовал отчета.

– Сделано в лучшем виде, – пробасил Прохожий. – Внучка твоя попала в наши сети. Что с нее взять – мать, она и есть мать. Самое уязвимое на Свете существо! Бьюсь об заклад, что она уже сделала выбор между сыном и другими людьми. Конечно, сын ей дороже.

– И она не будет больше лечить односельчан?

– Ясное дело, не будет!

– Замечательно. Если светлый дар долгое время не востребован, он сам по себе перерождается в дар черный. Это – закон. Так что внучка будет с нами. Но этого мало. Нужен наследник. Мужчина. Ее сын. Мой наследник!

– Он же еще не родился.

– То-то и хорошо. Мы поможем ему родиться в нужном месте и в нужное время. Ты доставишь туда Ясю (тьфу, имя-то какое светлое!) и как можно скорее.

– Она и сыну имя придумала не лучше – Зорень.

– Ненавижу солнце, ненавижу зарю! Не будет у моего наследника светлого имени! Пусть пока зовется – Вороненок.

Глава 6

Атей сидел на большом сером валуне, расцвеченном яркими желтыми пятнами лишайника, и смотрел на воду. Еще вчера река томилась под сплошным ледяным панцирем, а сегодня, после обильного ночного дождя, будто вздохнула глубоко – и выплеснулась из-под льда, подняла его на себе, собираясь с силами, готовясь изломать в одночасье надоевший хрустальный убор.

«Экая силища! – думал Атей о воде. – С виду такая мягкая и податливая, а придет время – все на своем пути сокрушит».

По льду реки Атей шел уже не один день. Сначала дорога была легка и безопасна. Потом все чаще стали попадаться полыньи, лед истончился и временами хрустел под ногами. И вот – река изготвилась к ледоходу. Это означало вынужденную задержку в пути.

– Ничего, пройдет лед, и я наверстаю упущенное время – утешал себя Атей. Он вспомнил, как дедушка Арсай, наставник и защитник, говорил ему и Персиле:

– Путь ваш, ребятки, ведет на юг. Там, в ковыльных степях у берегов теплого моря каждый год собираются потомки царей древнего народа – скитов. Там передают они тайные знания вновь посвященным.

– Как же мы найдем дорогу в те степи? – любопытствовала сестренка Персила.

– Не так уж это сложно. В наших краях все реки текут на юг. Достаточно найти ручеек, пусть даже самый маленький, и идти вниз по его течению. Ручеек приведет к реке, река – к морю.

– А как же, дедушка, найти то место, где собираются скиты: в степи ведь и заблудиться недолго?

– В степи нужно отыскать древний курган, под которым покоится царица Астава...

– Это же все равно, что найти иголку в стогу сена! – перебил старика Атей.

– Имей терпение дослушать, сынок, – Арсай укоризненно покачал головой. – И место, и время посвящения поможет узнать вот это.

Старик положил на ладонь маленький мешочек из мягкой кожи, стянутый кожаной тесьмой. Персила осторожно потрогала мешочек пальцем и вопросительно взглянула на наставника.

– В этом мешочке – сушеные мухоморы.

– Зачем нам мухоморы – мух морить?

– Нет, моя девочка. Мухомор – не простой гриб. Есть у него тайная сила возвращать людей в их далекое прошлое. Такое далекое, что обычно они и не помнят о нем.

– Да я свое прошлое очень даже хорошо помню, – возразила Персила. – Я так мало прожила на этом свете, что и помнить-то почти нечего!

– Э, не скажи, девочка. Человек не один раз на земле живет, только про свои прошлые жизни не ведает. Мухомор возвращает ему память.

– И зачем это мне надо? – пожалала Персила плечиком. – Тут и в моей коротенькой жизни полно воспоминаний, от которых я рада бы освободиться навсегда: смерть мамы, отца. Зачем мне вспоминать все беды прошлых жизней?

– Когда-то, давным-давно, вы уже ходили по дороге, которую нужно одолеть сейчас. Если все будет хорошо, я вас к кургану и без мухоморов доставлю. Ну, а если что в дороге случится? Как без меня путь отыщите?

– Нет, дедушка, нет! – Персила обняла старика за морщинистую шею. – Ничего с тобой не случится. Не пугай меня.

Арсай осторожно отстранил от себя девушку и протянул мешочек Атею.

– Держи. Коли нужда будет, вскипяти мухоморы с водой речной и выпей. Прошное тебе откроется.

Атей бережно взял из рук Арсая мешочек и повесил его на шею вместе с ладанкой.

«Вот и пригодится теперь дедушкино снадобье, – подумал юноша, задумчиво глядя на воду. – Как только пройдет ледоход, поплыву вниз по течению на челноке. Только челнока-то у меня пока нет. Где бы раздобыть?»

Конечно, сидеть и ждать, что челнок появится сам собой, было бы смешно и глупо. Нужно идти к деревне. Где люди – там и челны. Атей оттолкнулся от камня, размял ноги и пошагал по берегу вдоль реки.

Лес в этих краях подступал прямо к обрывистому берегу. Атей перебирался через поваленные деревья, продирался сквозь кустарники, зарывался ногами в прошлогоднюю листву. Прошло уже много времени, а никакой деревни так и не попало на пути. И вдруг юноше почудился запах дыма. Атей остановился и принялся. Точно, горьковатый дымок приятно зашекотал ноздри.

– Не волки же костер в лесу жгут! – обрадовался вслух Атей. – Пойду на огонек, обсушусь, отогреюсь, узнаю, далеко ли еще до деревни топтать?

Запах дыма становился все более осязаемым. Вот к нему примешался еще и аромат горячей похлебки. У Атея потекли слюнки, заурчало в животе. Забыв об осторожности, он шагнул на поляну, в центре которой уютно потрескивал небольшой костер. Над ним в закопченном котелке аппетитно булькало какое-то варево. Вокруг костра расположились шестеро мужчин среднего возраста.

Не успел Атей поздороваться с незнакомцами, как они вскочили на ноги и окружили юношу.

– Ого, кого нам Боги прислали! – мужики явно обрадовались. – Чужая кровь! Молодая. Сильная.

– А ну, навались, ребята!

Атея сбили с ног, ударили по голове обухом топора, связали руки и ноги сыромятными ремнями.

Очнулся юноша в полной темноте. Было тепло, воняло мокрыми шкурами и еще чем-то кислым. Ремни впелись в отекавшие ноги и руки, голова гудела, хотелось пить. Рядом никого не было.

«Вот тебе и согрелся! – подумал Атей, пытаясь пошевелить затекшими конечностями. – И как это я забыл об осторожности?»

Юноша поискал глазами хотя бы крошечный источник света – ничего.

«Должно быть, сейчас уже ночь, – догадался он. – Что принесет рассвет? И зачем я понадобился этим мужикам?»

Атей вспомнил рассказы пиратов о племенах, пожирающих своих пленников. Неужели и его хотят съесть? Хотя нет, пираты говорили о дикарях, живущих на островах теплых морей. Тут же – далеко не теплое море!

Нужно выбраться отсюда, и как можно скорей – решил Атей и попытался освободиться от пут. Не тут-то было! Сыромятные ремни держали крепко. Скоро юноша совсем выбился из сил.

Тем временем окружающая темнота неуловимо изменилась. Уставший Атей не сразу обратил внимание на то, что вокруг чуть-чуть посерело. Обозначилась светлым пятном дыра над головой. Из нее потянуло свежим воздухом.

«Светает», – подумал пленник и, в который раз, напряг руки в тщетной надежде освободиться от пут.

Теперь Атей смог разглядеть место своего заточения. Это была землянка, довольно тесная и не слишком глубокая. Потолком служили неотесанные древесные стволы с небольшим отверстием посередине. Должно быть, через это отверстие выходил дым из очага, возле которого лежал связанный Атей. Зола в очаге давно остыла, да и вообще, вид у землянки был не жилой. Лежанки вдоль стен, сработанные из покрытых еловым лапником жердей, какая-то рухлядь в углу, пара мисок со шербатыми краями – все покрыто беловатым налетом плесени.

«Где же хозяйева жилища?» – думал Атей, шаря вокруг глазами. Словно в ответ на его мысли послышались шаги, откинулась закрывающая дверной проем медвежья шкура и показались двое из давешних мужиков.

– Ну что, соколик, не трепыхаешься больше? – добродушно ухмыльнулся один.

– У нас не забалуешь, – подхватил второй, наклоняясь и разрезая ремни на ногах Атея. – Вставай, пойдешь своими ножками.

Мужики поставили юношу на ноги и, придерживая за локти, вывели наружу. В сером свете хмурого весеннего утра Атей увидел разбросанные между деревьями землянки. Из крыш некоторых выбивался дымок. Пахло каким-то не слишком аппетитным варевом.

– А ну, шевели ногами! – Атея толкнули в спину.

Если бы ноги слушались! Идти было невероятно трудно. Эх, не сбежать – стучала кровь в висках.

Пленника провели по краю поляны, в центре которой он заметил грубо вытесанную из обрубка дерева фигуру какого-то божества. Чуть поодаль возвышались три венца полуизбы – полуземлянки. Атея подвели к входу и трижды выкрикнули какое-то непонятное слово.

Из-за откинутой могучей рукой медвежьей шкуры показалась такая же могучая фигура сивобородого мужчины. Голову его венчала лохматая шапка из росомахи, на груди из-под бороды высывались нанизанные на тонкий ремешок медвежьих когти и кабаньи клыки.

– Это еще кто такой? – неодобрительно уставился на конвоиров мужчина.

– Вот, в лесу изловили. Чужая кровь. Молодая. Сильная. Для батюшки-ведуна.

– Зачем ему этот недоносок? К обряду уже другой приготовлен – Орикс.

– Так ведь этот же – лучше! Чужая кровь, не наша.

– Пошли прочь, олухи!

– Кого это ты гонишь, Кромень? – из-за медвежьей шкуры показалась седая голова старца.

Конвоиры Атея бухнулись на колени, лепеча:

– Прими пленника, батюшка! Чужой он, не нашего племени. Молодой, Сильный.

– Хм, а и впрямь хорош, – старец окинул взглядом связанного юношу. – Пускай до завтра посидит в темной.

Седая голова скрылась за шкурой. Стражники поднялись с колен.

– А что же с Ориксом делать? – повернулись они к Кромению. – Отпустить?

– Я вам отпущу, олухи! Пускай до завтрашнего утра вместе сидят, а там – видно будет.

На этот раз Атей оказался в другой землянке: побольше и поглубже прежней, но зато совершенно темной, без отверстия в крыше. Вход закрывала не медвежья шкура, а выдолбленная из цельного куска дерева дверь, припертая снаружи внушительного размера бревном. Когда глаза привыкли к темноте, Атей разглядел силуэт сидящего на полу человека. Должно быть, это и есть Орикс, – догадался юноша.

– Ты кто такой? – голос Орикса выдавал в нем совсем еще желторотого юнца.

– Такой же пленник, как и ты, – горько усмехнулся Атей.

– Я тебя не знаю. Откуда ты взялся?

– Да вот, шел своей дорогой, никого не трогал. Изловили меня в лесу, связали, сюда принесли. Говорят, для какого-то ведуна.

– А-а, и тебя тоже.

- Выходит, и ты – нездешний?
- Мы тут все нездешние. Нет у нашего народа своего места на земле. Бредем, бредем по белу свету, куда ведун укажет. Как зима подходит – землянки роём, а потом – в шалашах живём. Рухлядь с собой не таскаем: тяжело. Живём охотой и тем, что женщины в лесу насобирают.
- Неужто потомки скитов? – у Атея захватило дух.
- Это ещё кто такие? – не понял Орикс.
- Народ такой в давние времена жил. Тоже с места на место кочевал, рухлядью себя не обременял. Вот только передвигались они на конях.
- Нет, коней у нас никогда не водилось. Зачем они нам? Чем их зимой кормить? Тут хоть бы самим как-то уцелеть, с голоду не подохнуть.
- А на одном месте жить никогда не пробовали? Избы построить, поле вспахать, житом засеять?
- Нет, мы – свободное племя! – гордо выпрямился Орикс, насколько позволяли ему связанные руки и ноги.
- Да, только вот ты что-то не очень свободен.
- Это верно, – пленник вздохнул. – Не повезло мне. Ведун меня выбрал для обряда.
- Для какого такого обряда? – Атей понял, что сейчас узнает, что и его ждёт завтра.
- Обряд этот проводится в племени не каждой весной. Батюшка-ведун старый совсем стал, глаза плохо в грядущее смотрят, трудно ему такой путь для племени выбрать, чтоб и охота удачной была, и грибов—ягод в лесу хватало. Чтобы глаза зорче стали, промывает он их росой с первого зеленого листа пополам с кровью человеческой.
- Это что же, у тебя кровь брать собирались? Сколько же капель им нужно, чтобы с росинкой смешать?
- Капель! – Орикс горько усмехнулся. – Для обряда вся кровь нужна, которая в человеке имеется. И не откуда-нибудь, а из самого сердца.
- У Атея побежал мороз по спине.
- И ты так спокойно говоришь об этом? Это же – смерть.
- Смерть, – согласился Орикс. – Человека вешают вниз головой, пронзают ему сердце и ждут, когда из вспоенной теплой кровью земли покажется зеленый росток.
- А если ничего не вырастет?
- Вырастет. Ведун знает, куда человека подвешивать. Он заранее выбирает место, где вот-вот трава пробьется.
- Почему же именно тебя выбрали? – не унимался Атей.
- Я думаю, из-за Ирисы. Это внучка батюшки-ведуна. Единственная. Дети-то его давно померли, животом они маялись. Тот, кто на Ирисе женится, вождём станет, а позже – ведуна сменит. Ириса любит меня, я – её. А Кромьё хочет стать вождём. Вот и посоветовал ведуну меня для обряда выбрать, чтобы самому на Ирисе жениться.
- А убежать никак нельзя? – с надеждой прошептал Атей.
- Убежишь тут, когда руки-ноги связаны!
- Давай поможем друг другу. Зубы у тебя крепкие, ремень перегрызть сможешь?
- А ты – мой перегрызешь? – догадался Орикс. – Ну-ка, подсаживайся поближе. Снаружи прошелестели легкие шаги. Кто-то чуть слышно поскребся в дверь.
- Орикс, Орикс, отзовись! – девичий голос замирал от страха.
- Ириса! – восторженно воскликнул пленник.
- Орикс, я принесла нож, чтобы ты разрезал путы. Вот только как его тебе передать – не знаю.
- Попробуй подкопать землю под дверь, – подсказал Атей.
- Ой, кто это? – испугалась Ириса.

- Не бойся, любимая, это тоже пленник для обряда.
- Атей мое имя, – почему-то решил назваться юноша.
- Но ведь для обряда нужен только один. Пойду, упрощу дедушку отпустить тебя, Орикс.
- Нет-нет, не уходи! Все равно Кромень найдет способ убить меня. Не завтра – так позже.

Он не даст нам быть вместе. Нужно бежать.

- А я? – голос девушки зазвенел обидой.
- И ты – со мной. Это – единственная для нас возможность быть вместе.
- Я согласна.

Ириса принялась копать ножом землю. И тут пленники услышали еще шаги – уверенные, мужские.

- Что это ты тут делаешь, любовь моя? – Кромень сделал вид, будто не понимает ничего.
- Тебя дедушка кличет. Негоже заставлять его ждать. Ну, иди, иди отсюда. А игрушку

свою мне отдай, – и он легко завладел ножом.

- Отведите Ирису к батюшке-ведуну! – приказал Кромень подошедшим стражникам.

Спустя мгновение дверь отодвинулась. Кромень сощурился, пронзая взглядом темноту дальнего угла.

- А ну-ка, чужак, выходи!

Атей поднялся с пола, успев шепнуть Ориксу:

- Мужайся, парень!

Кромень водворил дверь на место, подпер ее бревном, поддел ножом ремень, стягивающий руки Атея.

- А теперь – беги, что есть мочи. Да не попадайся больше на глаза нашим охотникам.

Атей ничего не понял, но упрасивать себя не заставил. В два прыжка он оказался за ближайшими деревьями и помчался дальше, в лес, не разбирая дороги. Только уткнувшись в непролазный валежник, юноша остановился. Он упал на землю, прижался щекой к умопомрачительно ароматной прелой листве. Сердце готово было вырваться из груди.

Любопытная синица стрельнула на него черным глазом с соседнего куста – ци-ви! Атей готов был расцеловать пичугу в желтые перышки.

- Спасся, спасся, живой, живой! – стучало в голове.

Постепенно, кроме этого ликующего стука, стали появляться иные мысли: почему? Почему так случилось, что его, чужого в племени, отпустили, а соплеменника Орикса обрекли на мученическую смерть? Ответ не нужно было искать долго. Кромень, конечно, не хотел упускать возможность уничтожить соперника. Вот и решил отпустить второго пленника, чтоб не оставить ведуну выбора. Естественно, он скажет старику, что Атей сбежал сам.

– А я-то хорош! – корил себя Атей. – Припустил в лес, как трусливый заяц. Была же возможность освободить Орикса. Свалить Кромения с ног, отворить дверь...

Атей явно преувеличивал свои силы: куда ему было тягаться со здоровенным Кромением!

– Ничего, я этого так не оставлю! – сквозь зубы процедил юноша. – Вернусь и освобожу Орикса. Помогу ему бежать вместе с Ирисой. Славная девчонка, как моя Яся.

У Атея почему-то тревожно сжалось сердце, словно предчувствуя беду.

– Яся, женушка моя любимая! Я обязательно останусь жив, обязательно вернусь. Верь мне.

Кромень, хоть и был силен и жесток, но в людях разбирался плохо. Он решил, что пленник, освобожденный им из темницы, уже давным-давно удрал на безопасное для себя расстояние. Сам Кромень поступил бы именно так. Выждав некоторое время, чтобы возможная погоня не вернула чужака, Кромень отправился к ведуну и доложил ему о побеге пленника.

– Хорошо, что Орикс все еще сидит в темной, значит, откладывать обряд нет нужды, – добавил он.

– Что ж, внучка, значит, так тому и быть, – погладил старик Ирису по голове. – Не плачь, в девках не засидишься. Вот хоть Кромень – чем не жених? С ним всегда сыта будешь: охотник отменный.

– Но я, – начала было Ириса.

– Иди, иди, прогуляйся, да не вздумай ослушаться, – Кромень взял девушку за плечи и вытолкнул из землянки.

Ириса брела по лесу, сама не зная, куда. Слезы застилали ей глаза, катились по щекам, капали на грудь. Упершись в непролазный валежник, она села на землю и разревелась в голос.

– Ириса! Ириса!

Девушка не сразу обратила внимание на негромкий голос.

– Ириса, не плачь, послушай меня, – Атей выбрался из валежника, настороженно оглядываясь по сторонам.

Он подсел к девушке, которая отпрянула, было, от незнакомца.

– Меня зовут Атей, я – пленник, который сидел в темнице вместе с твоим Ориксом.

Ириса не смела поверить своей догадке:

– Так Орикс тоже на свободе? Вы убежали?

– Нет, меня отпустил Кромень, чтобы никто не помешал ему избавиться от соперника.

Ириса вскочила на ноги и гневно топнула ногой.

– Ты, это ты виноват в том, что умрет мой любимый! Если бы ты остался в темнице, я уговорила бы дедушку отпустить Орикса!

– Глупышка! – Атей посмотрел на девушку с сожалением. – Разве ты не поняла, что дело не во мне, а в том, что Кромень жаждет власти? Единственная возможность для него добиться этого – стать твоим мужем. Вот почему я – на свободе, а Орикс – обречен.

Ириса упала на землю и снова разрыдалась.

– Не плачь, сестренка, – Атей погладил девушку по голове. – Я обязательно освобожу Орикса. У нас еще ночь впереди. Дай только придумать, как это сделать.

Ириса подняла на юношу заплаканные глаза и улыбнулась:

– Прости меня, Атей! Давай думать вместе.

К вечеру план освобождения Орикса был готов.

Голые деревья, словно стадо оленей, подняли на рога ущербную луну. Неподалеку, под высоким берегом, трещал и крошился лед на реке: начинался ледоход. Все соплеменники Ирисы давно уже разбрелись по своим землянкам и завалились спать. Что еще можно делать в темноте? Сало для светильников к весне, обычно, заканчивалось, а жечь огонь в очаге было просто ни к чему. Ужин – съеден, отверстия в крышах – прикрыты, чтобы не уходило тепло. Единственным развлечением в потемках было забраться под шкуру на лежанку к жене, быстро и грубо овладеть ею...

У темной землянки, где находился Орикс, стоял охранник. Видно, Кромень решил не искушать судьбу.

– Всю ночь не спят только в одной землянке – огневой, – шепотом рассказывала Ириса Атею. – Там никогда не гаснет очаг: утром за угольками приходят все женщины племени. Однажды дежурный проспал, не подбросил в очаг хвороста – огонь погас. Хорошо, что это было летом, не то все племя замерзло бы.

– Откуда же взяли огонь опять?

– Ждали грозы. Молния ударила в дерево – вот и огонь.

– А этим никогда не пробовали пользоваться? – Атей достал из кармана кремь с кремь-салом и трут, высек искру.

– Зачем нам камни таскать? – пожала плечами Ириса. – Передвигаться надо налегке. Мы же – вольное племя!

Атей не стал спорить. У каждого народа – свои обычаи, свой уклад жизни.

Как только ночь опустилась на землю, Ириса сходила к речке и нарвала сухого камыша. Почти не таясь, она отнесла охапку в центр поляны, разложила вокруг деревянного идола и позвала Атея.

– Сейчас я проберусь в огневую землянку и принесу уголек.

– Не стоит рисковать. Я же не ленюсь камни в кармане таскать, вот они и пригодятся.

Атей опустился на колени, высек искру, другую. Через некоторое время камыш загорелся.

– Теперь – беги, буди народ, – распорядился юноша.

Ириса заголосила и бросилась от землянки к землянке:

– Беда, беда!

Сонные соплеменники выскакивали из землянок, не понимая, кто кричит и почему. В центре поляны пылал идол.

– Беда, беда! – крики множились, люди бежали на огонь, не замечая ничего вокруг.

– Беда! Беда! – Ириса подбежала к темнице и закричала стражнику. – Беги скорей, Кромень подмогу требует.

Туповатый стражник и не подумал усомниться в словах девушки: все-таки она была внучкой батюшки-ведуня! Он помчался вслед за остальными к пылающему идолу.

Из-за дерева вынырнул Атей, отбросил бревно, отодвинул дверь.

– Орикс, ты где?

– Атей? – пленник не верил своим ушам.

Развязывать ремни не было времени. Атей взвалил юношу на спину и вынес его из землянки. Только отойдя на значительное расстояние, он остановился и положил свою ношу на землю.

Подбежала Ириса. Она успела заскочить домой за ножом и теперь сноровисто перерезала им сыромятные ремни на руках и ногах любимого.

– Ириса! – Орикс обнял и прижал к себе девушку.

– Обниматься будете потом, – Атей торопил влюбленных. – Идти сможешь, Орикс?

Освобожденный пленник переступил распухшими ногами и застонал от боли.

– Смогу! – юноша стиснул зубы и сделал первый шаг, второй...

Атей подставил ему свое плечо, Ириса – другое. Сначала медленно, потом все быстрее беглецы устремились к реке.

– Переберемся на другой берег, пока лед не тронулся, а там уж нас не догонят.

Река встретила их оглушительным грохотом: лед ломался и дыбился, льдины громоздились одна на другую.

– Не успели! – ахнула Ириса.

– Ничего, проскочим, – Атей крепко сжал руку девушки. – Я помогу Ориксу, а ты – сама. Льдины пока большие, не перевернутся под нами. Старайся перепрыгивать с одной на другую, да не наступай на края.

Атей вспомнил, как мальчишкой он катался на льдинах и поменьше. Только бы успеть перебраться на другой берег!

Беглецы сидели на поваленном дереве и наблюдали, как на противоположном берегу реки металась огни. Видно, в племени их хватились и теперь рыскали с факелами по лесу, пытаясь напасть на след. К реке не приблизился ни один огонек. Скорее всего, никому из соплеменников и в голову не пришло, что у совсем еще юных Орикса и Ирисы хватит смелости преодолеть громяющее льдинами чудовище.

– Ну что, ребята, пора в дорогу, – Атей поднялся с дерева.

Орикс переглянулся с Ирисой и отрицательно покачал головой.

- Мы останемся здесь.
- Как это? – не понял Атей.– Вы хотите, чтобы вас нашли и наказали?
- Мы не можем уйти от своего народа, да и зачем? Разве что-нибудь в этом мире может сравниться с нашим вольным житьем?
- А как же Кромень?
- Он не рискнет нарушить обычаи. Если мы станем мужем и женой, Кромень не сможет принудить Ирису выйти за него, даже убив меня, – пояснил Орикс.
- Так почему же вы не поженились раньше?
- Брак считается состоявшимся, если женщина понесет ребенка. Мы же не могли зачать ребенка раньше: у Ирисы только на прошлой луне впервые излилась женская кровь. Девушка стыдливо опустила ресницы и дернула Орикса за подол рубахи.
- Мы построим шалаш неподалеку от берега и проживем здесь, пока Ириса не понесет. А после – вернемся в племя, и Кромень не сможет уже нас разлучить.
- Ну что ж, совет вам, да любовь, – улыбнулся Атей.
- Он помог молодоженам соорудить шалаш из еловых лап и, уходя, повернулся к Ирисе:
- Ну, как, сестричка, будешь ждать первой грозы, или воспользуемся моими камнями?
- Ириса улыбнулась смущенно и принялась готовить ветки, чтобы разжечь свой семейный очаг. Теперь она будет его хранительницей.

Глава 7

Распрощавшись с Ирисой и Ориксом, Атей зашагал вниз по течению реки. Небо уже начинало сереть, когда юноша остановился передохнуть. Мучительно сосало под ложечкой: он не ел уже трети сутки.

«Придется раздобыть себе еду», – подумал Атей и развязал свой мешок. Там, аккуратно свернутые, лежали силки. Вообще-то, выросшему в лесу юноше не так уж сложно было изловить на обед зайца или куропатку, просто он берег время и останавливался только в случае крайней нужды.

«Голодный-то я далеко не уйду, нужно силы восстанавливать», – думал Атей, располагая свое незамысловатое орудие на едва заметной тропе.

В ожидании добычи он устроился под старым дубом, прислонился спиной к жесткой потрескавшейся коре ствола и прикрыл глаза. И сразу же из мрака выплыл образ Яси. Как-то она там, без меня? Атей старался удержать перед глазами лицо любимой, но видение провалилось в черную бездну сна.

Проснулся Атей от хлопанья крыльев. Было уже совсем светло. Неподалеку в его силках билась куропатка.

– Ого, славный завтрак у меня будет нынче!

Юноша быстро собрал хворост, разжег костер, зажарил птицу. Утолив голод, спустился к реке напиться.

За ночь река освободилась от оков. Отдельные льдины еще плыли по мутной воде, на отмели громоздились целые ледяные торосы, но это были всего лишь жалкие остатки ночного ледохода. Атей любовался сверкающими на солнце льдинами, застрявшими на песке излучины, попинал их ногой, окинул взглядом окрестности.

По обе стороны реки берега поросли густым лесом. Правый – крутой, обрывистый – нависал над водой корнями деревьев, наполовину отвалившимися краяхами земли, переплетенными сухой дерниной. Местами из берега выпирали красные гранитные валуны, кое-где переходившие в сплошной скальный массив. Левый берег стелился белым песком с выползшими на него льдинами. Кусты краснотала толпились в некотором отдалении от воды, а за ними поднимались серые стволы осин и ольхи. Нигде не было и признаков человеческого жилья.

«Плохи мои дела, – думал Атей, шаря глазами вокруг. – Нет людей – нет и челнока. Придется опять топтать ножками, продираться через кустарник, спотыкаться о валежник».

Тяжело вздохнув, юноша закинул за плечо котомку с силками и остатками еды. И тут его осенило! По реке еще там и сям плыли отдельные льдины. Некоторые были достаточно велики и на вид вполне прочны.

– Прокачусь-ка я на белой лодочке! – сказал сам себе Атей.

Выломав в прибрежных зарослях длинную палку, чтобы удобнее было держать равновесие, юноша столкнул с отмели в воду большую сизую льдину, прыгнул на нее и оттолкнулся от берега. Нехотя, неторопливо «белая лодочка» заскользила по реке. Стоя в центре этого плавающего средства, Атей порадовался своей находчивости: сколько сил и времени ему удастся сэкономить!

Весеннее солнышко славно припекало. Пейзажи по сторонам были однообразны и безлюдны. Льдина – большая и надежная – плавно скользила по воде. Атея стало клонить ко сну. Он положил на лед свою котомку и уселся на нее. А солнышко гладило теплой ладошкой по щеке, а вода журчала и баюкала...

Атей очнулся от резкого толчка и дождя окативших его ледяных брызг. Он даже не успел сообразить, что его льдина остановилась, зацепившись за торчащую из воды корягу, а сзади на нее налетела еще одна – больше и массивнее. Мгновение – и юноша вместе со своей котом-

кой покотился к краю льдины. Равновесие было нарушено, «белая лодочка» перевернулась, стряхивая с себя в воду седока. Атей не успел даже воздуха в рот набрать. Перевернувшаяся льдина ударила юношу по голове, и он потерял сознание.

– Эй, паря, ну-ка, хватит купаться! – низкий, но явно женский голос с легкой хрипотцой с трудом доходил до Атея.

Сильная рука потянула его за ферезею, зацепившуюся за корягу, другая подхватила юношу под мышку, и Атей очутился на берегу.

– Эге, не зря я вытаскивала этого налима! – ловкие женские пальцы быстро нащупали и вытащили на свет ладанки Атея.

– Хотя мал золотник, да дорог, – довольно ухмыльнулась спасительница.

– А тут что такое, самоцветы? – женщина вытряхнула на ладонь часть содержимого из кожаного мешочка, висевшего на шее Атея. – Нет, ерунда какая-то сушеная. Это мне без надобности! – и она бросила мухоморы на песок.

Обшарив юношу с ног до головы и убедившись, что ничего ценного у него больше нет, женщина поднялась, чтобы уйти, но, взглянув еще раз в бледное лицо спасенного, передумала.

– А ты ничего, парень, симпатичный. Не то, что мои парни. Пойдем со мной, сначала я тебя обсушу—обогрею, а потом – ты меня, – и она хрипловато расхохоталась.

Сопrotивляться было бессмысленно: без этой женщины Атей даже не смог бы обсушиться, ведь кремень и кресало утонули вместе с силками и едой. Юноша с трудом поднялся, отжал, насколько это было возможно, одежду и побрел вслед за своей спасительницей.

Идти было недалеко. По еле заметной тропинке они вскарабкались на крутой берег, а там – лесом, поднимаясь все выше и выше, пока не оказались на вершине скалистого утеса, круто обрывающегося в реку. Высота каменной стены, удивительно гладкой, без выступов и трещин, была саженей двадцать. На вершине, вбившись корнями в расщелины, росли два могучих дуба и десятка три их детишек поменьше. Внизу, под утесом, плескалась вода, закручиваясь в водовороты, из чего Атей сделал вывод, что глубина реки здесь порядочная.

Наклонившись над обрывом, можно было заметить единственный крошечный выступ, на котором с трудом разместились бы два человека, да и то стоя впритирку друг к другу.

– Ну, вот и пришли, – женщина остановилась возле одного из дубов, приподняла замшелый камень и вытащила из открывшегося тайника прочную веревку с завязанными на ней узлами.

Один конец веревки она привязала к дубу, а другой бросила вниз, на скалистый уступ.

– Спускайся! – приказала Атею.

– Да мы же на этом выступе не поместимся, – юноша взглянул вниз и отошел от края обрыва.

– Спускайся, говорю, там – вход в пещеру.

И в самом деле, невидимое сверху отверстие вело от уступа вглубь утеса, в просторную пещеру. Не успел Атей оглядеться, как спасительница оказалась рядом с ним.

– Раздевайся, сейчас я тебя сушить буду, – женщина принесла из глубины пещеры охапку хвороста и запалила его в очаге, вокруг которого было расставлено несколько гладких валунов.

– Садись сюда, а одежду на камни положи.

Привязав веревку к котелку, женщина зачерпнула из реки воды и принялась что-то стряпать. Вскоре пещера наполнилась теплом и ароматом кипящей похлебки.

Спасительница, наконец, сбросила с себя плащ. Она уселась на один из валунов с деревянной ложкой на длинной ручке – мешать похлебку. Атей во все глаза глядел на нее.

Женщина оказалась совсем еще молодой, слегка полноватой, но гибкой и ловкой. Яркие рыжие волосы были небрежно собраны в узел на затылке и заправлены в платок, едва покрывающий голову. Удивительные зеленые глаза под рыжими ресницами, алые губы, ямочки

на щеках. Ее можно было бы назвать красавицей, если бы не жесткое, хищное выражение лица. Одежда на женщине была мужская, украшения отсутствовали вовсе.

– Ну, чего пялишься, красавчик, или бабы не видел?

– Ты кто? – Атей с трудом разлепил сведенные холодом губы.

– Я-то? Да не принцесса заморская, – усмехнулась незнакомка. – Мамаля Лапонькой кликала, да я уж то имя и забыла давно. Парни мои – атаманшей зовут, а все прочие – Волчицей.

– Атаманша, – протянул Атей задумчиво. – Разбойница, значит.

– Догадливый.

Атаманша помешала варево ложкой, попробовала и удовлетворенно сплюнула в костер: готово!

– А чего это ты скосоротился, красавчик? Думаешь, если баба, так и верховодить не может? Вот и братец мой так-то думал, когда папаша помер. Папаша мой был первейший атаман в округе. Всех разбойничков под себя подобрал. А когда помер, тут мы с братцем и столкнулись лоб в лоб: кому атаманить? Я-то, не смотри, что баба, с детства всему нашему ремеслу обучена. Пришлось братца прибить, слабаком против меня оказался. С тех пор я – главная. Что хочу, то и делаю, кого хочу – того люблю. И никто слова не скажет, никто не осудит.

– Что-то я никого больше здесь не заметил.

– А-а, ты о парнях моих? Так они нынче – в свободном поиске. Сегодня все воруют, не только разбойнички. Вот и мои надумали удачей разжиться.

– Что-то не пойму я тебя.

– А чего тут понимать? Ты разве о воровинове дне никогда не слышал? Видать, издалече идешь.

– Так и есть, издалека. У нас никакого воровинова дня никогда не было.

– Эх ты, темнота! В этот день всяк крадет, что ему нужно, ведь вместе с вещью можно забрать удачу и везение у бывшего ее хозяина. Вот, к примеру, нужен тебе достаток – кради хлеб со стола богатея. Хочешь замуж выйти – кради портки из дома жениха, какой приглянулся. Коли Боги детей молодухе не дали – кради из колыбели пеленки младенца.

– И что же, так все поголовно и воруют? А ну, как кто вора поймает, что ж, отпустят с миром?

– Куда там! Руки вмиг отрубят: не кради! А то еще придумали воровать, чтоб вора найти. Возьмут тупой нож, рубят им горящую свечу, да приговаривают: «Кто украл, кто взял, во сне приди, нож заberi, а не то я изрублю твою душу, как рубит мясник кабанью тушу». После лягут спать на левом боку. Кто приснится – тот и вор.

– И все равно воруют?

– Воруют, а то как же! С моими-то парнями сладить трудно – мастаки разбойничать.

– А сама чего же здесь сидишь, воровать не идешь?

– Я уже получила, что хотела. Ладанка твоя – талисман любовный, поди? А я – любви хочу, – атаманша сладострастно потянулась, выставив вперед тугие груди с копиями сосков. – Согрелся, красавчик? Теперь – твоя очередь меня греть.

Женщина грациозно соскочила с камня, под села к Атею и прижалась к нему горячим телом.

– Ну, красавчик, обними меня крепче! – атаманша легко столкнула юношу на землю, навалилась на него и впиалась в губы поцелуем.

Атей заюлил под живой глыбой, пытаясь освободиться, но атаманша уже завелась не на шутку. Полетела в сторону срываемая ею одежда. Воспользовавшись тем, что хватка ослабела, Атей вскочил на ноги.

– А-а, ты – удирать? Не выйдет, голубчик! Тут бежать некуда.

Голая атаманша кинулась за Атеем. Соппротивление жертвы еще более раззадорило ее. Рыжие волосы метались за спиной, как пламя костра, глаза вспыхивали зелеными искрами. На мгновение грубый самец пробудился и в Атею, но он опомнился, подумал о Ясе.

Неизвестно, как долго продолжался бы этот поединок, но тут сверху на уступ посыпалась земля, и послышалось мужское кряхтение. Кто-то спускался в пещеру.

– О, черт, принесла же кого-то нелегкая! – выругалась атаманша. – Не хватало еще мне зрителей!

Желание, видимо, погасло в ней.

– Оденься, да пойди прочь, подальше в темный угол! – бросила она Атею и сама торопливо принялась собирать свою разбросанную одежду.

Юноша не заставил себя упрашивать.

Разбойники один за другим спускались в пещеру. Хохоча и балагуря, они вспоминали свои приключения, хвалились добычей. Воровинов день был особенный: добыча не делилась поровну, каждый оставлял награбленное себе.

Атаманша, одетая и принявшая начальственный вид, восседала в кругу своих «парней», слушала их рассказы, рассматривала добычу и незаметно косила глазом в угол пещеры, где в темноте скрывался Атей. Ей не хотелось выволакивать его на свет. Она рассчитывала, что наевшаяся и наговорившаяся братия вскоре заснет. Вот тогда она насладится пленником.

Грустные мысли одолевали Атею. Ему вовсе не улыбалось быть забавой для грубой атаманши разбойников. Нужно бежать, бежать отсюда. Но как? У входа в пещеру дежурил один из разбойников. Видимо, охрану не снимут до утра. Пещера, хоть и была велика, но спрятаться в ней невозможно. От безысходности Атей принялся ощупывать стены: вдруг где-то откроется потайной ход.

Кое-где в камнях имелись трещины, но все они были малы – не протиснуться. Вот под руку попала узкая щель между камнями. Атей просунул в нее руку: щель была такой глубокой, что пальцы не нащупали ничего.

«Нужно попытаться протиснуться туда, вдруг рядом – еще один выход, или хотя бы еще одна пещера, – думал Атей, так и эдак крутясь возле щели. – Атаманша – женщина крупная, уж она-то в эту щель наверняка не пролезет, значит, и до меня не доберется».

Подумав о своей спасительнице, Атей вспомнил, что его ладанка находится у нее. Нужно обязательно вернуть ее, но как?

Между тем, сытые разбойники устраивались на ночлег. То один, то другой подкатывались к атаманше с недвусмысленными намеками, но все получили от ворот поворот. Атаманша легла поодаль от своих «парней», в дальнем углу пещеры, куда не проникал свет от очага. Видимо, она ждала, когда все уснут, чтобы возобновить свою атаку на Атею.

Случилось так, что уставшая атаманша захрапела раньше всех. Как по команде из разных углов пещеры ей откликнулись остальные разбойники. Только часовой не спал, но он сидел лицом к выходу из пещеры, уставившись на полную луну, всходящую над лесом. На счастье, он не видел Атею, когда тот на цыпочках вышел из своего угла и снял с шеи разбойницы свою ладанку.

«Ну вот, воровинов день и меня не обошел!» – усмехнулся юноша, возвращаясь к щели в стене пещеры. Подождав еще немного и убедившись, что все спят, он снял с себя одежду, чтобы не мешала, протиснулся в щель и оказался в крошечном каменном мешке. Здесь не было другого выхода. Даже свод пещерки был настолько низок, что Атею пришлось наклонить голову, чтобы не зацепиться за него.

Ощупывая пещеру, юноша ударился обо что-то лбом. Это «что-то» оказалось граненым шаром размером с кулак, подвешенным к своду пещеры на цепочке.

«Что ж, подожду здесь до утра, авось, атаманша меня отсюда не выудит», – подумал Атей, опускаясь на камни.

Глава 8

Юноша сидел в темноте, наблюдая за отблесками огня в очаге. Потом, когда огонь погас, щель в стене пещеры засветилась мягким лунным светом. Лунный лучик медленно перемещался, отмеряя текущее время ночи. Вдруг он коснулся граненого шара над головой Атея, и тот вспыхнул тысячью разноцветных искр, окатывая юношу сверкающим водопадом. Откуда-то снизу за клубился розовый туман, поднялся выше, выше, заполнил всю пещеру. И тут Атей понял, что у пещеры больше нет стен. Розовый туман стал голубеть и растекаться в разные стороны. Цепочка граненых шаров, зажигаемых по очереди лунным лучом, уходила вдаль. Атей, зачарованно следя за этой сверкающей гирляндой, встал и пошел от шара к шару, не отдавая себе отчета, зачем он это делает. А шары все зажигались и зажигались впереди, и не было им конца.

Видимо, Атей шел долго. Тело его ныло от усталости, когда шары, наконец, кончились, и наваждение прошло. Юноша в изнеможении присел прямо на каменный пол скального лабиринта и огляделся.

Прямо перед ним спускалась вниз широкая лестница с каменными узорчатыми перилами. Сотни две ступеней, не меньше – невольно отметил про себя Атей. Лестница вела к гигантской пещере, своды которой терялись в темноте. Пещера была абсолютно пуста, если не считать украшенного каменной резьбой возвышения в центре. Дюжины четыре массивных деревянных дверей, обрамленных резьбой по камню, располагались по периметру пещеры.

– Здесь кто-то живет, – Атей не заметил, что говорит вслух.

Стены пещеры излучали странный холодный свет, поэтому все было отлично видно.

– И что же мне теперь делать? Идти вниз, или подождать и посмотреть, не выйдет ли кто из дверей?

Прикинув так и этак, Атей решил все-таки, что благоразумнее понаблюдать за пещерой издали. Он устроился на верхней ступени лестницы поудобнее и стал ждать.

Спустя некоторое время все двери одновременно отворились, и пещера наполнилась людьми. Повидавший за свою жизнь немало народу, Атей признался себе, что с таким он еще не встречался. Жители пещеры были на редкость красивы и молоды. Изящные девушки и женщины с изумительно бледными лицами и огромными сверкающими глазами были одеты в яркие струящиеся одежды, стройные мужчины с длинными волосами – в облегающие штаны и короткие плащи. Детей и стариков не было вовсе.

Атей не мог разобрать слов, но все о чем-то возбужденно говорили, поглядывая на огромный граненый шар, свисающий сосвода пещеры на толстой цепи. Он был очень похож на шары из гирлянды, приведшей сюда Атея, только гораздо больше. Внутри шара яркая серебристая точка становилась все крупнее, все лучистее. И вот – шар вспыхнул ослепительно ярко.

– А-а-а-а-х!!! – вырвалось одновременно из груди всех собравшихся.

На возвышение в центре пещеры поднялся один из мужчин. Судя по длинному плащу, скрывающему легкомысленные обтягивающие штанишки, и массивной золотой цепи на шее, он был кем-то вроде старейшины на этом собрании. Мужчина заговорил громко, так, что услышали не только окружающие его соплеменники, но и Атей на вершине лестницы.

– Братья и сестры! – оратор обвел всех горящим взором. – Сегодня, в Ночь Серебряной Луны, мы собрались здесь, чтобы встретить Гостя. Вы знаете, что только раз в двенадцать лет луна занимает на небе такое положение, что ее лучи в полночь достигают шара из горного хрусталя в заповедной пещере. Затем, передаваясь от шара к шару, лунный свет открывает магический тоннель, через который к нам может попасть Гость. Может, но не всегда попадает, ибо не всегда именно в этот момент в заповедной пещере оказывается человек из Верхнего Мира. И все же каждые двенадцать лет мы собираемся в надежде, что Гость придет.

– Придет, придет! – эхом откликнулось в пещере.

– Ты, Селин, поднимись по лестнице и посмотри, не пришел ли Он, – обратился оратор к одному из юношей.

Тот, молча, кивнул и легко побежал по ступеням лестницы вверх. Атей не успел найти себе укрытия, а Селин был уже рядом.

– Он здесь! Он здесь! Гость пришел!!! – радостно завопил гонец, увидев Атея.

Бесцеремонно схватив юношу за руку, он потянул его вниз по лестнице.

Толпа внизу пришла в дикий восторг. Все кричали, хлопали в ладоши, поздравляли друг друга с удачей. Одна из девушек открыла корзинку, висящую у нее на руке, и оттуда выпорхнула стайка летучих мышей. То же сделали и другие девушки – под сводами пещеры заметалось темное крылатое облако.

Тем временем гонец доставил Атея на центральную площадку. К ним подошел тот, кто только что говорил речь. Он низко поклонился Гостю и повесил ему на шею свою золотую цепь.

– Добро пожаловать в Княжество Вампиров!

У Атея волосы на голове встали дыбом. Он вмиг припомнил все сказки, слышанные им от бабушки. В них кровожадные выходцы из царства мертвых пили кровь своих жертв, делая и их подобными себе.

От окружающих не укрылась реакция Гостя на приветствие князя вампиров. Они рассмеялись, а князь взял Атея за руку и успокоил:

– Не нужно нас бояться, мы не собираемся пить твою кровь. То, что рассказывают о нас там, наверху – просто сказки. Именно поэтому раз в двенадцать лет мы открываем проход в свой мир для Гостя, чтобы показать ему наше княжество и рассказать правду о нашем народе. Мы делаем это для того, чтобы потом Гость мог стать нашим защитником перед людьми из Верхнего Мира.

За дубовыми дверями центральной пещеры скрывался настоящий город. Тоннели-улицы расходились в разные стороны, подобно осевым нитям в тенетах паука, так же соединяясь между собой тоннелями поуже. В тоннели открывались двери личных апартаментов каждого из жителей подземного города. Семей здесь не заводили, предпочитая время от времени встречаться с избранником или избранницей в особых приютах любви. Там постоянно звучала тихая музыка, воздух был напоен чувственным ароматом, стены светились мягким розовым светом.

– Отчего стены светятся? – не удержался от вопроса Атей.

– У нас здесь нет солнечного света, мы его не выносим, – ответил ему Селин, вызвавшийся показать Гостю город. – Раз в месяц на стены наносят светящийся состав: это такие крохотные твари, которые могут сами собой светиться. Мы их разводим в больших каменных чанах.

– А почему вы живете под землей, разве на поверхности мало безлюдных мест, где вас никто не потревожит?

– Видишь ли, вампиры – не сказочные существа. Мы – тоже люди, как вы, только с рождения солнечный свет – враг нам. Это вроде болезни. Стоит ребенку попасть под луч солнца – вот тебе и ожег на коже. Дальше – больше. Вскоре такой малыш весь покрыт кровоточащими язвами. Хорошо, если мать догадается его от солнца спрятать. Если же нет, ребенок – не жилец. Издревле матери приносили таких детей в пещеры и бросали там. Ну, а мы – подбирали. Так и появился народ вампиров.

– Что ж, вы совсем не выходите на поверхность?

– Отчего же, выходим, но только ночью, очень редко.

– А скажи, Селин, почему люди думают, будто вампиры пьют кровь? Это что – сказки?

– В каждой сказке есть доля истины. Вторая особенность подземного народа в том, что в нашей крови не хватает чего-то такого, что есть у вас, обыкновенных людей. Вот и приходится изредка восполнять эту недостачу.

– Так вы все же нападаете на людей и сосете их кровь? – Атей в ужасе остановился.

– Да не нападаем мы ни на кого, враки все это! Нам и нужно-то этой крови всего чуть-чуть. Ты видел летучих мышей, которых девушки выпустили из корзинок в твою честь?

– У нас в таких случаях выпускают голубей...

– Не живут под землей голуби, да и толку от них никакого нет. А вот летучие мыши для нас кровь приносят. Посуди сам, много ли крови в такой крохе поместится? Разве могут они причинить кому-то большой вред? В теплых краях тамошним вампирам их летучие мыши и плоды всякие таскают, а наши – только кровь, да мошек. И то только летом, а зимой – спят или на юг улетают.

– А как же вы? – Атей хотел сказать – добываете кровь зимой, но Селин не дал ему закончить, переведя разговор на другое.

– Вы все думаете, что вампиры только кровью питаются. Это не так. Кровь для нас – только необходимое лекарство, а едим мы совсем другое. Пойдем, попробуешь.

В обеденной пещере стояло множество небольших столиков с удобными стульями вокруг: и здесь сказывалась любовь вампиров к уединению. Атей подумал, что у них в деревне поставили бы один длинный стол и лавки по бокам, чтобы не только есть, но и веселиться вместе. В избах стол с лавками всегда был местом сбора всей семьи, местом не только трапезы, но и общения.

За некоторыми столиками обедали жители подземного города. Они встали, приветствуя Гостя, но ни один не пригласил его за свой столик.

– Присаживайся, пожалуйста, – предложил Селин.

Сам он отправился на кухню за едой. Атей уже понял, что в удивительном княжестве каждый житель выполняет какую-то работу на общее благо, пользуясь в то же время плодами трудов других вампиров.

Вернулся Селин. На большом деревянном подносе он принес множество мисок с разнообразными кушаньями. Ни одно из них не было похоже на еду, привычную Атею.

– Тут точно нет человеческой крови? – с сомнением покосился на миски юноша.

– Конечно, нет. Кровь – слишком ценный продукт, чтобы добавлять его в повседневную пищу. Кровь – лекарство, я говорил уже тебе об этом. Так что ешь, не стесняйся!

Атей с опаской положил в рот кусочек чего-то запеченного из крайней миски.

– М-м, вкусно! Похоже на рыбу.

– Так это и есть рыба. У нас в подземной реке ее полным-полно. Правда, она слепая совсем, но тем проще нам ее ловить, – рассмеялся Селин.

– А это что? – Атей запустил ложку в густой суп, пахнувший вполне обычными грибами.

– Грибной суп, – подтвердил его догадку Селин. – Грибы – это основная наша пища. Сам понимаешь, без солнечного света больше ничего не растет. А грибов у нас – целые плантации. И для еды, и для красоты.

– Для красоты? – удивился Атей.

– Конечно. Ты не представляешь, до чего красивы бывают грибы: разноцветные, ароматные, иногда даже светящиеся!

– Хотел бы я посмотреть на ваши грибные сады!

– Нет ничего проще, увидишь. Попробуй вот это.

Селин пододвинул Гостю жареные шарики из мелко нарубленного мяса.

– Котлеты, – назвал он необычное блюдо.

Жуя с аппетитом, Атей поинтересовался:

– А чем же вы кормите своих коров, если у вас трава не растет? Или котлеты – из мяса диких зверей, которые водятся в пещерах?

– Ты прав, домашних животных мы не держим, да и на диких не охотимся. Их просто нет в наших глубоких тоннелях.

– Из чего же тогда котлеты?

– Из червей.

Атей вовремя зажал рот руками, а не то бы вся съеденная им провизия тут же оказалась на столе. Видя свою промашку, Селин не придумал ничего лучшего, как предложить Гостю самому посмотреть на червивую ферму вампиров.

– Нет уж, уволь, – Атей сглотнул просящуюся наружу пищу. – Спасибо, я сыт.

И он встал из-за стола.

Долго еще бродили Атей и Селин по подземному городу. Все здесь было странным и необычным. Ткани изготавливали из высушенных нитей особых грибов, другие грибы служили основой красителей. Самой большой ценностью в подземном мире была древесина. Ее доставляли с поверхности земли, а мелкие предметы изготавливали из корней деревьев, растущих над верхними ярусами пещер.

Селин показал Гостю и лечебницу. Здесь имелось несколько отделений. То, где полагалось находиться больным, сейчас пустовало.

– У нас редко болеют, – пояснил Селин. – А вот о здоровье заботятся все. Смотри сюда.

На берегу подземного озера расположились местные жители. Одни из них просто лежали на гладких камнях, отдыхая. Другие намазывали себя глиной и какой-то остро пахнущей темной мазью.

– Мумие, – назвал ее Селин, не объяснив, однако, что это такое.

Третьи плавали и ныряли в воде. Когда подошли поближе, Атей увидел, что от воды идет пар, и вся она как бы пронизана крошечными лопающимися на поверхности пузырьками.

– Это наше лечебное озеро. Помогает сохранять здоровье и молодость.

– То-то я не заметил ни одного старика!

– Вампиры живут долго, но тело их всегда молодо, – подтвердил Селин.

В соседней пещере делали массаж и выкладывали узоры на теле разноцветными минералами.

– Нужно знать, какой камень куда положить, – объяснил Селин. – Этому долго учатся. Лекарь у нас – самое уважаемое ремесло.

В большой полутемной пещере в маленьких кроватках лежали дети.

– Это те, которых бросили наземные матери, а мы подобрали. Их даже наш пещерный свет тревожит. Привыкают долго, а поправляются – еще дольше.

– Но что-то мы нигде больше не встречали детей, только здесь, – удивился Атей.

– Дети живут отдельно. Их воспитывают настоящими вампирами до совершеннолетия, то есть до наступления половой зрелости. Только после обряда Ру они становятся полноправными жителями княжества.

Атей поежился. С обрядами у него были связаны неприятные воспоминания. «Как там Ириса и Орикс»? – подумалось.

– Обряд Ру очень красив, – продолжал между тем Селин. – Да ты сам его увидишь, ведь стать взрослым в Ночь Серебряной Луны, да еще на глазах у Гостя – это не часто бывает. Сегодня на исходе ночи...

– И как вы только отличаете, когда день, а когда – ночь? – Атею казалось, что время остановилось в подземном мире.

– Не знаю, – Селин пожал плечами. – Просто знаем – и все. Это нельзя объяснить словами.

Путешествие по подземному городу закончилось на берегу реки. Здесь, словно где-нибудь на обычной песчаной косе, сушились рыбацкие сети, смолились большие остроносые лодки, стояли корзины с блеклой безглазой рыбой.

– А куда ведет вон тот тоннель, за рекой? – любопытствовал Атей.

– Это – запретная территория, туда гостям вход закрыт.

Селин повернулся к реке спиной и увлек за собой Атея.

Гостя усадили на возвышении прямо под огромным шаром из горного хрусталя. Сейчас он не светился, но никто уже не обращал на это внимания. За несколько часов, в течение которых Атей знакомился с княжеством вампиров, пещера неузнаваемо изменилась. Повсюду на светящихся стенах висели горшочки с удивительной красоты...

– Цветами? – Атей повернулся к своему проводнику.

– Да нет же, это – грибы. Видишь, какие они разные: причудливой формы, ярких оттенков. А аромат!

В самом деле, вся пещера была наполнена благоуханием, от которого кружилась голова. Откуда-то из дальнего темного угла слышалась сладостная музыка. Вот к ней присоединился звон множества колокольчиков. Отворились двери, и в пещеру вступила вереница очаровательных молодых женщин с серебряными колокольчиками в руках. Из других дверей мужчины выносили подносы с горячим дымящимся мясом и прозрачными кубками, полными темно-красной жидкости.

– Кровь? – догадался Атей.

– Нет, всего-навсего вино.

Угощение расставили вокруг возвышения, на которое поднялся и князь вампиров. Вот он трижды хлопнул в ладоши – и обряд Ру начался.

Ведомые статным мужчиной, к центру пещеры вышли совсем еще молоденькие парнишки. То, что они были абсолютно нагими, никого не удивило. Наоборот, в толпе присутствующих на церемонии послышались одобрительные возгласы. Юнцы, казалось, ничего не видели и не слышали, до того отрешенным было выражение их лиц.

Как только юноши уселись вокруг возвышения, из дверей показалась группа девушек. Прозрачные покрывала до пят совсем не скрывали их наготы, волосы струились по плечам и спинам, бедра покачивались в такт музыке. Девушки одна за другой прошествовали мимо Гостя, роняя к его ногам покрывала, и уселись рядом с юношами. Ни у одной не дрогнули ресницы, прикрывающие затуманенные очи.

Музыка зазвучала громче и ритмичнее, из толпы неслись подбадривающие крики. Юные пары подняли бокалы с вином, посмотрели друг на друга сквозь рубиновую жидкость и выпили ее до дна. Не говоря ни слова, они съели все мясо, а затем и розданные князем крохотные белые шарики.

Музыка тем временем снова изменилась. Теперь она была полна страсти. Юные пары поднялись со своих мест и закружились в странном танце. Тела сплетались и расплетались, пальцы пробегали по коже, как по струнам гуслей, будя трепет и сладострастие. И вдруг все резко оборвалось. Смолкла музыка, пары разомкнули объятия и упали без чувств на камни.

Мгновение тишины – и взрыв эмоций наблюдающей толпы!

– Ру! Ру-ру-ру! – горланят десятки глоток.

– Таинство свершилось! – провозглашает князь.

Снова звучит музыка, ликующая толпа подхватывает участников ритуала и несет их куда-то.

Тем временем женщины в алых платьях принесли и расставили по краю возвышения подносы с крохотными хрустальными стаканчиками, наполненными темно-красной жидкостью.

– Вино? – спросил Атей.

– Нет, кровь!

Глаза Селина вспыхнули, и, забыв о Госте, он устремился к одному из подносов. То же проделывали и все собравшиеся на торжество.

«Эге, пора мне, видно, ноги уносить! – подумал Атей. – Не ровен час, кому-то не хватит стаканчика».

Воспользовавшись тем, что о нем забыли, юноша пробрался к двери, что вела к реке. Мгновение – и он уже в тоннеле.

– Самое время распрощаться с радушными хозяевами, – бормотал себе под нос Атей, быстрым шагом направляясь к реке.

Он уже вышел к песчаной косе, на которой сушились рыбацкие сети, и тут увидел, как от входа в пещеру на другом берегу отплыла лодка. Кроме гребцов, в лодке юноша насчитал четверых мужчин. Вот они причалили к берегу, вытащили из лодки кувшины с красной жидкостью и передали их подбежавшим женщинам в алых платьях. Те ловко наполнили хрустальные стаканчики на подносах и понесли их к центральной пещере. Мужчины пошли следом.

– Ага, так вот почему Селин не повел меня в ту пещеру, за рекой! Конечно, там они держат людей – пленников, чтобы было, у кого брать кровь зимой, когда летучие мыши спят.

Атей вспомнил, что летучие мыши появляются, когда станет уже тепло, а ранней весной их никто не видел.

– Нужно освободить пленников!

Юноша осмотрелся по сторонам и, никого не увидев, столкнулся в воду одну из рыбацких лодок, самую большую.

От реки к входу в пещеру вели каменные ступени. Ни двери, запертой на замок, ни охраны.

– Неужели я ошибся? – Атей поднялся по ступеням и пошел в полутемный тоннель.

Стены здесь светились гораздо менее ярко, чем в остальных тоннелях, но все же и в этом тусклом свете юноша увидел под потолком множество подвешенных клеточек с летучими мышами. Ни одна из них не подавала признаков жизни, повиснув вниз головой и закутавшись в перепончатые крылья.

Короткий тоннель упирался в большую двустворчатую дверь. Атей попробовал толкнуть створки. Дверь легко открылась. Юноша осторожно заглянул в щель. За дверью была большая светлая пещера. У стен располагались лежанки, а на лежанках – люди.

– Они убили всех своих пленников, чтобы напиться крови! – Атей заскрежетал зубами. – Не успел, не успел я их спасти!

Юноша вошел в пещеру и приблизился к крайнему ложу. На мягкой подстилке лежал крепкий мужчина средних лет. Лицо его было несколько бледно, но не безжизненно. Атей склонился над ложем и уловил далеко не слабое дыхание.

– Слава Богам, этот – жив! – обрадовался юноша и метнулся к следующему ложу.

Лежащий на нем юноша тоже дышал, причем так безмятежно, будто просто спал в родной избе на печке. Атей обошел всю пещеру кругом, склоняясь над каждым ложем. Ни одного мертвого тела!

Обрадованный юноша потряс за плечо одного из спящих пленников. Тот недовольно приоткрыл глаза:

– Ну, чего тебе надо? Отстань, сколько можно меня доить?

Атей встряхнул пленника еще раз:

– Проснись, проснись скорее! Я – не вампир, я – обыкновенный человек. Вставай, нужно бежать, пока хозяева пещеры не вернулись.

– Бежать? Куда и зачем? Отстань, мне и здесь хорошо.

– Но ведь ты – пленник, разве не так? Разве не пьют твою кровь вампиры?

– Ну, пленник, ну – пьют. И что с того? Мне здесь гораздо лучше, чем там, наверху. Там – жена сварливая, детишек голодных куча. Там – работать нужно, надрываться. А тут – красота: ешь, пей, ничего не делай.

– А кровь, кровь твоя?

– Раз в месяц можно стаканом крови пожертвовать ради такой жизни. Зато потом – ешь от пуза, пей вино хоть ведрами, спи хоть три дня подряд! Так что отстань от меня, никуда я не пойду. И ты здесь оставайся. Тебе понравится, вот увидишь.

Пленник лениво прикрыл глаза и тут же захрапел. Атей попытался растолкать другого, третьего, но бесполезно. Остальные с ним даже разговаривать не захотели. Просто поворачивались на другой бок и продолжали храпеть.

– Похоже, тут моя помощь не нужна! – разочарованно прошептал Атей. – Этим уже не поможешь. Ловко вампиры превратили людей в свое дойное стадо! А я-то наслушался в детстве сказок о ночных кровопийцах и вообразил невесть что...

Юноша повернулся и пошел прочь из пещеры. Он сел в лодку, оттолкнулся от берега. «Где-нибудь эта река должна выбиться на поверхность, – подумал. – Дедушка Арсай говорил, что все реки текут к морю, а мне как раз туда и нужно».

Глава 9

Настоящая весна нагрянула в одночасье. С вечера подул теплый южный ветер, нагнал тяжелых облаков, похожих на стадо брюхатых коров. Ночью облака разрешились от бремени обильным теплым дождем, который согнал и без того уже почерневший и осевший снег. Утром выглянуло солнышко, полюбовалось на себя в миллионы лужиц-зеркал, потянуло из земли травинки.

Деревенские ребяташки, ошалевшие от пряных запахов теплой земли, дымящегося на припеке навоза, метались от дома к дому, выискивая самого старшего из стариков: пора объявлять Весень! Только вот стариков на деревне не осталось, все повымерли в прошлое лихолетье.

На завалинку выполз дядька Ивень – погреться на солнышке. Был он еще слаб после недавней болезни, осунувшееся лицо покрылось сеткой морщин, в бороде там и сям белели седые пряди. Ну, вылитый дед, хоть и лет ему было не так уж много. Ребяшня налетела на Ивеня, загомонила, защебетала.

– Эй, чего раскричались, скворчата желторотые? – прищурил глаз Ивень.

– Дядька, дядька, весна на дворе, а Весень объявить некому. Что ж, теперь без праздника будем?

– Девчонки- невесты без женихов останутся?

– А жаворонков, жаворонков – как встречать?

– Дяденька Ивень, объяви Весень!

– Замолчите, горластые! Или забыли, что Весень объявляет самый старший из стариков?

– Да где ж его взять-то, старика этого? Дед Сучок – последний был, да и тот зимой помер.

– Дяденька Ивень, у тебя борода седая – объяви Весень!

– Объяви! Объяви!

Ивень подумал-подумал, почесал для порядка в затылке, запустил пальцы в сивую бороду. По всему выходило, что правы ребяташки.

– Ну, будь что будет! – решил он.

Встал, опираясь на палку. Закинул голову, глядя в пухлые белые облака, что паслись на голубом небесном лугу. Вдохнул полной грудью и решительно провозгласил:

– Завтра – Весень!

– Весень, Весень, завтра – Весень! – ребяташки кинулись врассыпную по деревне, неся радостную весть во все дома.

Яся достала из сундука белую расшитую сорочку, скатерть, голубой сарафан. Погладила яркую ткань рукой, призадумалась. В этом сарафане она впервые встречала девичий праздник прошлой весной. Тогда она не хотела замуж, сердце еще не было тронуту любовью. И вот всего год спустя она не только жена, но и будущая мать.

Яся вспомнила Атея, тревога опалила сердце: как он там, в дальнем далеке? Хотела мысленно увидеть его, сосредоточилась – и не смогла. «Что это со мной?» – удивилась девушка. Раньше она легко могла настроиться на любимых людей: отца, мать, мужа. Теперь же перед ее внутренним взором была чернота, изредка прорезаемая светлыми вспышками. «Должно быть, я просто устала, – решила Яся. – Нужно отвлечься».

Она стала думать о том, что этой весной ей предстоят совсем другие хлопоты, другие обряды – обряды замужней женщины. Яся еще раз взглянула на голубой сарафан.

– Отнесу-ка я его Зариме. Может, наряд Небушка принесет ей удачу.

Яся схватила одежду и выбежала из дома. Навстречу ей катилась пестрая девичья ватага с ведрами, чугунками и прочей подходящей посудой.

– Яся, Яся, пошли с нами за снегом в дальний овраг! – обступили девушки подружку.

– Пошли, пошли, а то солнышко последний снег растопит, нечем будет огород поливать. Беяна оглядела округлившуюся фигуру подруги и покачала головой:

– Зря мы ее зовем, девчата. Не видите разве, какой у Яси животик? Вдруг оскользнется, да и покатится, как колобок, – не зло пошутила Беяна.

– Давай-ка, подружка, посуду какую, мы тебе снега принесем.

– Конечно, принесем!

Яся вернулась за чугуном, отдала его Беяне. На душе у нее стало как-то грустно: не водить ей больше девичьих хороводов, не заплетать березку, не ломать вербочку. Будет она вместо этого печь пироги, да бегать голая по огороду, отгоняя от дома нечисть.

– Не грусти, подружка! – Беяна понимающе заглянула Ясе в глаза. – Не ты одна косу на две расплела. От нашего прошлогоднего хоровода всего-то человек десять осталось: остальные все замужем.

– А что же ты? – Яся запнулась, боясь обидеть подругу напоминанием о том, что та засиделась в девках.

– А я – ничего, – Беяна задорно усмехнулась. – Прошлой весной почти все парни за тобой побежали, вот и остались без невест. А теперь Сил – мой будет. Мы уж с ним и сговорились.

– А кто же у вас в хороводе Небушком нарядится? – оглядела Яся подросших девчонок.

– Мы об этом еще разговора не вели.

– Возьмите Зариму Небушком! Вот я ей и саофан свой синий несусь.

– Что ты, что ты, Яся! – замахали девушки руками. – Зарима-то чужая, как можно ее в хоровод брать?

– Доколе же ей чужой быть? – нахмурила Яся брови. – Бабушка Поветиха ее вместо дочки родной приняла, а вы – отгалкиваете. Что ж ей, вековухой оставаться?

– Она – красивая, она у нас всех женихов сманит.

– Того, кто любит по-настоящему, не сманит никакая другая красота, – уверенно ответила Яся. – А коли сманит – стоит ли жалеть? Значит, не любовь это. А без любви, с постылым жить – хуже мученья не придумаешь.

– А ведь и верно, девчата! Устроим своим нареченным проверочку. Пойдем за Заримой! Девушки повернули назад и вместе с Ясей направились к избушке бабки Поветихи.

– Стойте, стойте! – Беяна громыхнула чугуном. – Про снег забыли? Растопит его солнышко, что делать станем?

Яся тут же нашла решение проблемы.

– Я к Зариме одна схожу. Сарафан ей отнесу и пошлю вслед за вами. Она быстро вас догонит.

На том и порешили.

Зарима была не одна. За столом перед миской каши сидел уже однажды виденный Ясей Прохожий Дядька. Он улыбнулся девушке, как старой знакомой:

– Здорово живешь, красавица!

– Здравствуй, дяденька.

– Как малыш твой? – дядька уперся взглядом в живот Яси. – Жив пока?

– Что ты такое говоришь? – Яся прикрыла живот ладошками. – Почему это он не должен быть жив?

– Ну, раз жив, значит, ты меня послушалась, да врачевать бросила.

– Что ты, что ты, дяденька! – встряла Зарима. – Как же может она это дело бросить, коли у нас другой знахарки – во всей округе нет? К ней уже и из других деревень приходили стали.

– Э, худо, худо! – покачал дядька головой. – Уморишь ты младенца, непутевая мамаша.

– Да что ж я могу поделывать, дяденька? – Яся села на лавку и опустила плечи. – Нет сил отказать тем, кому помощь моя нужна.

– Да-а, – дядька огладил бороду и изобразил на лице задумчивость. – Видно, одно тебе осталось: спрятаться от людей хотя бы до рождения ребенка.

– Куда же я спрячусь? – Яся уныло повесила голову. – В деревне меня найдут, куда ни спрячусь.

– А пойдем со мной, девонька, – дядька ободряюще улыбнулся. – Я как раз возвращаюсь к себе домой. Погостишь у меня до осени, а как ребенок родится, да окрепнет маленько – я тебя назад доставлю.

– А далеко ли ты живешь, дяденька?

– Да это – смотря, какой дорогой идти: есть и длинная, и короткая. Ну, да со мной не заблудишься.

– Что делать, Зарима? – Яся повернулась к подруге. – Надо с мамой посоветоваться, у отца спросить.

– Времени для разговоров у нас нет! – дядька решительно отодвинул миску с недоеденной кашей и встал из-за стола. – Идти, так идем сейчас. Или у тебя в других краях родственники имеются?

– Родственники? – Яся вспомнила о сестре Атея, Персиле. Она бы помогла, конечно, но где ее искать, жену пирата?

– Вижу, больше не к кому тебе пойти, – настаивал дядька. – Пойдем со мной – и сама цела будешь, и ребенок.

– Иди, Ясенька, иди, – подхватила Зарима. – Твоим я скажу, куда ты ушла, чтоб не беспокоились.

– Да здесь рядом, до полудня доберемся, – загадочно усмехнулся Прохожий Дядька.

– За лесом? – вспомнила Яся деревню, в которой побывала с матерью прошлой весной.

– Лес там тоже есть, – согласился дядька.

Изнутри Ясю толкнул Зорень. В последнее время с ним такое не часто случалось. Яся даже беспокоилась, все ли в порядке с малышом?

– И ты тоже хочешь, чтобы я пошла с дядькой? – шепотом спросила Яся сына. – Ну что ж, пойдем.

Проводив Ясю и Прохожего Дядьку до плетня, Зарима вернулась в избу. На лавке синел оставленный подругой сарафан.

– Яся, Яся! – девушка выбежала за порог, размахивая находкой. – Ты сарафан свой забыла!

Яся остановилась, поджидая Зариму, и ласково улыбнулась ей.

– Ничего я не забыла. Этот сарафан – для тебя. Девушки тебя в хоровод зовут, Небушком будешь, как я прошлой весной. Завтра – Весень, парни невест себе выбирать будут в хороводе. Вот и ты себе жениха сыщешь. Плохо, поди, одной-то жить?

– Еще как плохо! Ночью не сплю – боязно. Днем скучаю – слово сказать некому. Раньше хоть соседи по привычке заходили, а сейчас и того нет.

– Ну, тогда тебе обязательно нужно на Веселой горке завтра быть. Мужа найдешь, детишки появятся, заживешь, как все.

– Спасибо тебе, Ясенька, спасибо, родная! – Зарима обняла подругу и расцеловала в обе щеки.

– Девушки сейчас в дальний овраг пошли за снегом. Беги, догоняй их. Только не забудь моим сказать, куда я ушла.

– Не забуду, конечно, не забуду!

Зарима еще раз на прощанье обняла Ясю и побежала догонять девушек. О том, что нужно предупредить Поляну и Славеня, она вспомнила только поздним вечером.

«Ой, кажется, нехорошо получилось! – подумала девушка, выглядывая за дверь. – Нужно было сначала к Поляне зайти, а потом девушек догонять. А сейчас уже темно совсем, страшно на другой конец деревни идти. Наверное, Яся не обидится, если я забегу к ее родным завтра? До соседней деревни недалеко, родители всегда успеют навестить свою дочку».

Успокоив себя таким образом, девушка полюбовалась на веточку вербы и нарядный голубой сарафан, приготовленные к завтрашнему празднику, и легла спать.

Утро выдалось на редкость погожим. Зарима вышла на крыльцо и зажмурилась от яркого солнышка. Небо – глубокое, голубое, без единого облачка. Ребятишки кличут весну, заывают жаворонков звонкими запевками. Хорошо!

Девушка вспомнила, сколько еще дел ей предстоит сегодня. Новые подружки рассказали и о том, как березку завивают, и о том, как шалаш на Веселой горке строят, и, конечно, о хороводе, в котором парни выбирают себе невест. Черноокая красавица наскоро подоила корову, вернулась в избу, полюбовалась голубым сарафаном, тщательно расчесала и заплела в косу блестящие длинные волосы. Выпив кружку молока, девушка побежала к дому родителей Яси.

В горнице у Поляны стол улыбался чудесной расшитой скатертью с выставленными на ней румяными пирогами и прочей праздничной снедью. Хозяйка улыбнулась Зариме.

– Давненько к нам не заходила, девонька. Как живешь?

– Ой, тетенька Поляна, хорошо живу. Теперь – хорошо. Девушки меня в свой хоровод позвали. Нынче, может быть, и муж мне сыщется на Веселой горке.

– Обязательно сыщется, милая. Чтоб такая красавица, да без мужа осталась! А девчата не боятся, что ты у них всех женихов сманишь?

– Не боятся, – рассмеялась Зарима. – Говорят, проверку им устроят на верность.

– И то правильно, – согласилась Поляна. – Так что же ты не с девушками теперь? Беяна, я видела, уже побежала к роще.

– Я, тетенька, к вам на минуточку – сказать, что Яся ушла из деревни. Велела вам передать, чтоб вы о ней не беспокоились.

– Как это – ушла? Куда? – Поляна и Славень тревожно переглянулись.

– Тут один дядька прохожий у меня обедал вчера. Увидел Ясю и говорит: «Ты, девонька, своего младенца загубишь, коли других лечить не бросишь. Все болячки-то на малыша перейдут». А как Яся в помощи людям откажет? Вот она и решила уйти на время из деревни, спрятаться, пока малыш не родится.

– Куда уйти, куда? – Поляна в сильнейшем волнении схватила Зариму за руки.

– Да в гости к дядьке тому, прохожему. Он ее позвал – она и пошла. У вас же нет родни в других местах, где ж ей было спрятаться?

– Не нравится мне это! – Славень поднялся с лавки. – Где этот дядька живет, говори?

– А я не знаю, – Зарима хлопала длинными ресницами. – Я его и видела всего-то два раза. Он сказал, что не далеко живет, за лесом.

– Должно быть, в той деревне, у озера, – догадалась Поляна. – Собирайся, Славень, пошли!

– Куда вы? – Зарима тоже заволновалась.

– Негоже дочке у незнакомых людей жить. Вернем ее. Ты, Зарима, за коровой-то нашей присмотри, подои ее, коли до завтра не вернемся.

– Ой, про это не думайте – все сделаю. А как же младенец? Не захочет Яся ему вредить.

– Разберемся, не сомневайся. Уж малыша-то мы защитить сумеем!

Поляна наскоро собрала в мешок пироги, повязала голову платком и взглянула на мужа:

– Идем!

До околицы шли, молча, не замечая удивленных взглядов славящей весну детворы. Взрослые односельчане не встретились ни разу: девушки в роще завивали березку, парни готовились опахивать деревню, чтобы защитить ее от злых сил, остальные хлопотали по хозяйству. Поляна вспомнила, как ровно год назад она с дочерью тайком уходила из дома на поиски мужа, единственного человека на свете, способного защитить Ясю от ненавистного жениха. И вот теперь она снова покидает родную деревню с обретенным мужем. Покидает, чтобы разыскать и вернуть дочь.

В голове Славеня ворочались тяжелые мысли, не находящие исхода в словах. Что-то подсказывало кузнецу, что неспроста ушла дочь, что стоят за этим Темные Силы. Вспомнился последний разговор во сне с покойным отцом. Что-то он говорил о своем новом наследнике? И тут сердце бывшего колдуна пронзила догадка: неужели этот наследник – его внук?

Славень даже сбился с шага. Он пытался отогнать от себя мелькнувшую мысль, но она занозой засела в голове.

– Нет, не таков мой отец, чтоб запросто отказаться от своего. Нужен ему наследник – он его постарается заполучить, во что бы то ни стало. А для этого... Конечно же, ему нужно увести из дома Ясю!

– Что это ты бормочешь себе под нос, Славень?

Кузнец остановился, взглянул на жену – и не решился поделиться с ней своими мыслями. Не стоит ее волновать раньше времени.

– Ничего, родная, ничего. Ну, где же дорога к той деревне, о которой ты говорила?

– Да вот же она. К вечеру доберемся.

«Сдается мне, что дорога наша не такой короткой окажется», – подумал кузнец, но вслух ничего не сказал.

Глава 10

Озорной солнечный луч запрыгал по носу Атея, пятная его веснушками. Юноша чихнул и открыл глаза. Лодка, которая так долго несла его по подземной реке, успокаивая и баюкая, теперь уткнулась носом в берег и лишь чуть-чуть покачивалась. Атей окинул взглядом поросший молодой травой обрыв, ветки талов с пробивающимися из почек листьями и не поверил глазам. Только вчера река катала его на льдине, и вот уже – ни льдин, ни мутной воды.

– Может быть, я все еще сплю? – юноша ущипнул себя за руку и поморщился от боли. – Нет, не похоже. Значит, подземная река нашла более короткий путь к югу, чем та, по которой я плыл раньше.

Удовлетворившись таким объяснением, Атей поднялся на затекшие ноги, выбрался из лодки и выволок ее на берег. «Нужно срочно подкрепиться», – сигнализировал ему недовольный желудок.

Цепляясь за корни деревьев, юноша выбрался на обрыв и направился вглубь леса. Странное дело: с каждым шагом трава становилась все гуще и выше, кроны деревьев все зеленее и тенистее. Птицы, которые еще вчера были озабочены поисками укромных местечек для гнезд, всюду распевали для своих сидящих на яйцах подруг.

Только теперь Атей сообразил, как трудно ему будет раздобыть еду. Ни силков, ни кремня с кресалом и трута, не говоря уже о ноже или каком-то другом оружии! Юноша попробовал, было, изготовить петлю из шнурка, на котором висела его ладанка и мешочек с сушеными мухоморами. Тщетно: шнурок был слишком короток! Даже опояска потерялась в пещере.

– Вот это я влип! – Атей говорил вслух в полной уверенности, что его никто не слышит.

Да и откуда взяться людям в этой глуши, где даже звериных троп не было? Однако не зря юноша вырос в лесу. Приглядевшись внимательнее, он без труда нашел и знакомые с детства травы с сочными корешками, и пряные листочки медуницы, а под прошлогодней листвой лещины – десяток вполне съедобных орехов. Несколько яиц из гнезда сороки дополнили лесные дары.

Шагая в поисках пищи от дерева к дереву, от куста к кусту, Атей забрел далеко от реки. Конечно, он не боялся заблудиться. Примечал, с какой стороны светит солнце, с какой – на деревьях растут лишайники. И все же то, что он оказался в такой глуши, стало для юноши неприятной неожиданностью. К тому же, привлекательная изумрудная травка на большой поляне скрывала под собой болотную топь.

– Ну, дальше мне идти совсем не обязательно, – вслух сказал самому себе Атей. – Живот утомился, получил свое, пора мне и к реке возвращаться. Сяду в лодку – и вперед!

Юноша повернулся спиной к солнцу и, приглядываясь к лишайникам на стволах деревьев, двинулся в обратный, по его разумению, путь. Однако, прошагав несколько минут по лесу, он уткнулся опять в ядовито-зеленую траву болота.

– Тьфу, пропасть! Неужели заблудился, кружу на одном месте?

Юноша упрямо зашагал прочь от болота, но, куда бы он ни поворачивал, трясына вновь и вновь оказывалась у его ног. Мало того, солнечный день как-то потускнел, посерел, налился невесть откуда взявшимся туманом.

– Плохи мои дела! – Атей прислонился к дереву и задумался.

О том, чтобы искать дорогу в тумане, и речи быть не могло: того и гляди угодишь в болото. Оставалось одно – переждать, пересидеть непогоду там, где она его застала.

Юноша уселся под дерево и принялся ждать. Туман то сгущался, местами клубясь и багровея, то распадался на отдельные космы, между которыми проступали неясные силуэты деревьев и кустарников. Безотчетный страх окутывал Атея вместе с седыми туманными прядями. Страх, ледящий сердце, поднимающий дыбом волосы.

– Что за ерунда такая! – злился Атей, не понимая причины своего состояния. – Я же не пострел бесштаный, чтобы бояться какого-то тумана! Отец мой на медведя хаживал, тот пострашнее любой непогоды. Я же – не хуже, не зря в лесу вырос. Если и подкрадется какой зверь, неужто не сумею отбиться?

Однако вокруг было тихо: ни шороха листьев, ни треска сухого валежника. Даже птицы не подавали голоса.

– Может, у меня уши заложило? – Атей потряс головой, но это ничего не изменило.

Мертвая тишина. Белый туман. Безотчетный страх.

Когда юноша готов уже был закричать во весь голос, чтобы только нарушить безмолвие, туман внезапно исчез, как будто его и не было. Вместе с туманом исчез и страх. Атей облегченно вздохнул, поднялся на ноги и – снова сел у подножия дерева.

Лес вокруг изменился до неузнаваемости. Вместо зеленого ситца недавно распустившейся листвы он оцетинился темными иголками елей, вздыбился непролазным валежником, опутался паутиной и седыми бородами мха. Абсолютная тишина давила на уши. Атею показало, что из реальности он провалился в кошмарный сон, из которого нет возврата.

Чтобы рассеять наваждение, юноша набрал полные легкие воздуха и закричал:

– Эге-ге-гей!

Густая липкая тишина не колыхнулась, не отозвалась голосами. Даже эхо молчало.

– Эге-ге-гей! – снова и снова кричал Атей.

И снова в ответ – ни звука. Довольно скоро юноша охрип и замолчал.

– И чего это я ору? – удивился он. – Сижу здесь на кочке, как лягушка какая-нибудь, шагу в сторону не ступлю. Вот дурак!

Атей упруго поднялся и шагнул вперед. Почва под ногами не подалась, как обычно бывает на болоте.

– Ага, да тут и тропинка имеется! – обрадовался юноша, приглядевшись внимательнее. – Раз есть тропинка, значит, и живые существа недалече: люди ли, звери. Если звери – то, скорее всего, они протоптали тропу к водою. Есть вода – есть и путь, который я потерял. Если же тропинка протоптана людьми – и того лучше: узнаю, где я и как выйти к реке. Может, и провизией разживусь.

Тропа оказалась на удивление короткой. Она упиралась в топь, посреди которой, окруженное со всех сторон черной водой, высилось странное сооружение на двух сваях. Мостик из тонких жердей был перекинут через трясину.

– Прямо избушка на курьих ножках, – вспомнил Атей сказки, что рассказывала ему бабушка долгими зимними вечерами. – Эй, избушка-избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом! Что, лапы отсидела, или яичко снесла – не ворохнешься, не колыхнешься?

Атей засмеялся и перемахнул по мостику через трясину.

Сооружение и впрямь напоминало избушку, до того поросшую мхами и лишайниками, что теперь трудно было определить, из чего она сделана и когда.

– А где же баба Яга? – веселился Атей. – Эй, бабуля, отворяй ворота, добрый молодец к тебе в гости пожаловал!

Внутри избушки что-то зажужжало, заскрипело, и непонятным образом в стене образовалось отверстие как раз такого размера, что Атей без труда смог войти внутрь. Как только обе ноги юноши оказались за порогом, дверь моментально исчезла.

– Эй, бабуля, хватит шутить! – Атею и впрямь стало не до шуток. – Я – гость, а не пленник. Уразумела разницу?

Дверь, однако, не открылась, зато впереди обозначилось какое-то светлое пятно. Медленно разрастаясь, пятно, принявшее очертания куриного яйца, заполняло собой темное нутро «избушки». Атей, испугавшись, что будет прижат к стене и раздавлен этим гигантским яйцом,

шаг за шагом отступал назад до тех пор, пока отступать стало некуда. Спина уперлась в гладкую холодную поверхность. «Металл», – мелькнула в голове Атея непроизвольная мысль.

Между тем «яйцо» расширилось настолько, что его можно было достать рукой. Приглядевшись, Атей понял, что никакое это не яйцо, а удивительным образом растущее светлое пространство, ограниченное чуть более плотным воздухом. Вот граница света-тени доползла до юноши, и в мгновение ока он был втянут внутрь – чпок!

И вновь все странным образом изменилось. Теперь Атей стоял на берегу огромного озера. Глубокая синяя вода отражала такое же синее небо и поросшие лесом горы, окаймляющие голубую «жемчужину». Ароматы невидимых цветов смешивались с влажным свежим ветерком. Тысячи пестрых бабочек кружились над водой, присаживались на влажный белый песок и желтые валуны на берегу озера.

Из-за одного из таких валунов выскользнула миниатюрная женская фигурка и направилась к Атею.

– Здравствуй, добрый молодец! – с усмешкой сказала голубоглазая незнакомка, откидывая со лба прядь светло-русых волос. – Как ты меня назвал – бабой Ягой? Ну что ж, годится имечко. Пусть будет – Яга. А ты кто таков?

Атей хлопал глазами и от удивления не мог вымолвить ни слова. Незнакомка подошла к нему совсем близко и дотронулась до ладанки, что висела у юноши на шее.

– Ага, на медальоне – древние руны. Потомок скитских царей, надо полагать. Ну-ка, прикинем, из какого ты времени пожаловал.

Яга достала из кармана плоскую коробочку, пробежала пальцами по замысловатому узору на ее поверхности, взглянула в светящееся окошко.

– Эх, милоч, жил бы ты чуть-чуть попозже, ты бы помог мне. А хотя...

Женщина еще раз прикоснулась к ладанке Атея.

– Потомок скитов, значит – владеет тайными знаниями, – женщина говорила сама с собой, не обращая никакого внимания на впавшего в ступор Атея. – Нужен только стимул, чтобы заставить парня поработать во славу науки. Что ж, стимул – вот он!

С этими словами голубоглазая Яга рванула ладанку с шеи Атея.

– Не тронь! – юноша дернулся, но схватить утраченный талисман не успел.

– Ты получишь свой оберег обратно, не волнуйся, – Яга покачала ладанкой перед носом Атея и снова отдернула руку. – Только придется тебе, парень чуть-чуть помочь мне сначала.

– Помочь?

– Ну да, прямо, как в твоей древней сказке. « Поди туда – не знаю, куда, принеси то – не знаю, что!» – Яга невесело улыбнулась.

– Что принести? – не понял Атей.

– Принести нужно одну штуковину, которую трансментальные мутанты стянули у меня лет эдак триста назад. Без нее моя «избушка» навсегда застрянет в межвременье. А мне уже давным-давно пора в свое время вернуться.

– Что же ты сама эту штуковину не вернешь?

– Я, милоч, и рада бы, да только за пределы пространственно-временного континуума и носа высунуть не могу. Придется тебе на бабушку поработать, – снова усмехнулась голубоглазая. – Не то не видать тебе ладанки, как своих ушей.

Атей, успевший уже освоиться в этом нереальном мире, принять условия игры и смириться со своим положением, махнул рукой.

– Ну что ж, бабуля-Ягуля, выкладывай, чего ты от меня хочешь?

Часом позже Атей шагал по неприветливому сумрачному лесу, что окружал «избушку на курьих ножках». Путь его пролегал по бездорожью, безтропинью и вообще по совершенно непроходимой чащобе.

– Вот елки зеленые! – ругался вслух Атей. – Ноги переломаешь об этот валежник, глаза выколешь о сучки, да ветки колючие. Хорошо хоть не заблужусь, спасибо Ягуле: снабдила путеводным «клубочком». Как там она его назвала – плазменный навигатор?

Юноша неотрывно следил за пульсирующим огненным шариком, плывущим шагов за десять впереди него. Вот он не заметил вылезшего из земли корня и, споткнувшись об него, уткнулся носом во влажный мох под ногами.

– Проклятье! – Атей поднялся на ноги и отряхнул порты.

«Клубочек» дождался его, крутясь на месте возле молоденькой елочки. Как только юноша встал, навигатор двинулся вперед.

Солнце уже клонилось к земле, когда проголодавшийся путник решил подкрепиться. Он уселся на поваленное дерево и запустил руку в небольшой мешочек с едой, собранной для него голубоглазой Ягой. Конечно, с большим удовольствием юноша достал бы из него добрую краюху хлеба и кусок вяленой оленины, но таких яств у «бабули» не водилось. Она долго объясняла Атею, как пользоваться мягкими трубочками с необычными затычками и красочными рисунками на боках.

Вот рука нащупала одну из трубочек и извлекла ее на свет. Рисунок изображал поджаренный хлебец. Атей отвинтил крышку и надавил на противоположный конец трубочки. В тот же миг из нее выскользнул небольшой шарик и на глазах изумленного Атея распух, округлился, превращаясь в ароматную, свежую булку с хрустящей корочкой.

– Ай да баба Яга! – юноша поймал булку одной рукой, непроизвольно сжав в другой волшебную трубочку. Из нее тут же, один за другим, выскочило с дюжину шариков, каждый из которых моментально превратился в булку.

– О, Боги! – схватился Атей за голову. – Зачем мне столько хлеба? Разве можно столько съесть зараз!

Не привыкший к расточительности, юноша отложил пару булок в сторону, а остальные, вместе с осторожно закрытой трубочкой, сложил обратно в котомку.

– Где-то здесь я видел лужицу с водой? – за время долгого пути Атей пристрастился разговаривать сам с собой.

– Ага, вот она. Вода хоть и коричневая, настоящая на опавших листьях, но прозрачная. Надеюсь, я не превращусь в козленочка, напившись из лужицы, – юноша снова вспомнил одну из рассказанных бабушкой сказок.

Булки оказались вкусными и сытными, вода – холодной и хорошо утоляющей жажду. К тому же, ни рога, ни копыта у Атея не выросли. Навигатор, дождавшийся окончания трапезы, поплыл дальше, а за ним зашагал и Атей.

Как только солнце соскользнуло за вершины елей, в лесу стало темно. Навигатор повис на колючей ветке, переливаясь всеми оттенками желто-оранжевого цвета. Атей подошел совсем близко к шарик: тот не трогался с места.

– Что, здесь у нас будет привал? – юноша подмигнул навигатору, как живому. – Собственно, я не против ночлега, ноги просто гудят от усталости. Да и мох здесь мягкий, удобно лежать будет. Вот съем булочку и – баиньки!

Атей с удовольствием вонзил зубы в еще хрустящую корочку булки.

– И как это удалось Яге засунуть столько хлеба в крошечную трубочку? – на досуге юноша не прочь был поломать голову над загадками голубоглазой «бабули». – Не иначе, колдовство какое-то. А меч-кладенец, что дала она мне в дорогу, – тот точно из сказки. Правда, «бабуля» называла его как-то чудно: концентратор психической энергии. И еще говорила, что сила меча не в нем самом, а в том, кто им владеет, во мне, значит.

Атей достал из-под плаща небольшой серебристый предмет, отдаленно напоминающий оружие, повертел его в руке, потрогал конец пальцем.

– Не очень-то он и острый. Сюда бы кузницу Славеня – я б его вмиг наострил!

Атей вспомнил горячее дыхание горна, переключку маленького молоточка кузнеца и огромного молота в своих руках. Тут же в памяти всплыло черноусое лицо Славеня и сразу же – улыбка Яси. Сердце сжалось тоскливо: как там она, Ясочка, женушка ненаглядная? И потекли воспоминания нескончаемой рекой, незаметно перенося из яви в мир снов.

Атей проснулся оттого, что кто-то тащил из его рук «меч». Непроизвольно сжав рукоятку и потянув оружие на себя, он увидел в слабом свете луны вцепившуюся зубами в клинок огромную черную крысу.

– Тьфу, погань какая! Откуда ты взялась в лесной чащобе? – Атей стряхнул животное с «меча» и пнул его ногой. – Пошла прочь!

Крыса зло сверкнула глазами, ощерилась и прыгнула на обидчика. Острые зубы вонзились в ногу Атея. Юноша взвыл от боли и ткнул крысу в бок острием «меча», однако отнюдь не острое оружие не причинило ей никакого вреда. Атей, стервенея от боли, отбросил «меч» в сторону и вцепился в крысу руками. Он ломал ей позвоночник и пытался оторвать от себя. В темноте мелькнули черные тени, подбирая брошенное оружие и унося его вместе с котомкой.

– Э-хе-хе, опять Синеглазка недоумка прислала! – в старческом хриплом голосе сквозило разочарование. – Ну, почему так девке не везет, хоть бы один путевый попался!

Атей, все еще держа в руках убитую крысу, повернулся на голос. Рядом с мерцающим навигатором стоял невысокий старичок в длинной белой рубашке, подпоясанной ниже пояса кожаной тесемкой. В темноте ярко белела седая борода и такие же волосы.

– Ну что, паря, проморгал свое оружие? Как теперь обороняться будешь, как Синеглазке поможешь?

– Какой еще Синеглазке? – не понял Атей, но тут же, вспомнив яркие голубые глаза Яги, сообразил, о ком идет речь. – А откуда ты, дедушка, про нее знаешь?

– Видишь ли, молодец, ведун я, ведать про все и всех – дело моей жизни. Вот и про тебя я все знаю: идешь издалече, путь тебе еще неблизкий предстоит. Вот только одолеешь ты его не скоро, да и то, если Синеглазке помочь сможешь. Без ладанки, да без мухоморов своих – куда пойдешь?

– И это ты знаешь? – удивился юноша. – Тогда скажи, как мне быть, что делать?

– Оружие твое и провизию утащили крысовьи. Без них тебе Кальму не одолеть. То, за чем тебя Синеглазка послала, в ее подземном тереме хранится, там же, где и твои пропажи. Крысовьи туда все тащат, что только попадется им на пути.

– Постой, постой: какие еще крысовьи, какая еще Кальма?

– Да ты, паря, ничего про них не знаешь? Видно, Синеглазка тебя испугать побоялась, не рассказала, к кому посылает. Ну, да я тебе расскажу, не то ждет тебя погибель неминуемая, как других.

– А что, и другие были?

– И-и, молодец, было их видимо-невидимо, да только ни один от Кальмы вернуться не сумел. Синеглазка-то уж не первую сотню лет в наших лесах сидит, давненько она здесь застряла. Мне мой дед сказывал, а тому – его прадед, будто занесло эту деву в наши края не из мест далеких, не из мест близких, а из других времен. Занести-то занесло, а вынести – никак не получается. Крысовьи что-то в ее тереме поломали, утащили – без этой штуки никак не вернуться Синеглазке в свое время.

– Да кто такие – крысовьи, дедушка?

– А это те самые твари, что тебе чуть было ногу не отгрызли, да оружие твое унесли. Оружие-то Синеглазка тебе свое отдала, видно, совсем отчаялась девка.

– Ты что-то путаешь, дедушка: на меня крысы напали.

– С виду они крысы, а живут, как муравьи – те же повадки. Это Кальма их такими сделала.

– Кальма, Кальма... Кто такая Кальма?

– Это давняя история. Жила в здешних местах девица одна: красавица, умница. Гордая и неприступная. Замуж идти ни за одного парня не хотела, презирала всех. А уж как набрела она на Ведьмин родник, так совсем от гордости рехнулась. Вода в том роднике особенная: может менять облик того, кто ее выпьет.

– В козленочка превращает?

– Хоть в козленочка, хоть в крысу, хоть в волка.

– И в кого же эта девица превратилась?

– В ведьму, вот в кого! Сама, как была красавицей, так и осталась, а вот других превращать – стало ее забавой. Сначала муравьев превратила в крыс – стали крысовьи. Понесли ей со всей округи и еду, и питье, и все, что на пути попадалось. Разбогатела ведьма, построила себе терем подземный с кладовыми, да бочками для чудо-воды. Охрану придумала: мужиков, да парней в волков превращает. Рыскают эти оборотни по округе, никого к своей хозяйке не подпускают.

– Неужели за столько лет ведьма не состарилась, не померла?

– Та, первая, померла давно. Осталась ее дочь – тоже ведьма, потом – внучка... Теперь хозяйка оборотней – Кальма пятая. Вот к ней-то тебя Синеглазка и послала, в ее кладовые. И только от тебя зависит, выйдешь ли ты из подземелья здоров-невредим, или выбежишь на четвереньках волком – оборотнем.

– Да, перспектива не радует! – Атей почесал в затылке. – Хоть бы ножик какой-нибудь завалыщенький был, чтоб от тварей отбиваться. Меч Синеглазки – у крысовьев, да от него и толку-то мало: тупой, как бабушкина клюка.

– Острота того меча от тебя зависит, разве Синеглазка не объяснила?

– Она говорила, что это... Как там... Концентратор психической энергии. Только я все равно ничего не понял.

– У каждого человека внутри огонь пылает. Иные тем огнем управлять могут, даже наружу выплескивать и врага им поражать.

– Верно-верно! – вспомнил Атей. – Жена моя, Яся, и мать ее – они могли, я видел.

– А иные, – продолжал старик, – со своим огнем сами совладать не могут, им концентратор нужен, чтобы жар в пучок собрать и в нужное место направить.

– Чего же крысовой невредим остался, когда я его в бок «мечом» ударил?

– Не тот огонь тогда в тебе пылал: страх, боль, а не ярость и злость. Вот что разит наповал! Уразумел?

– Как будто.

– Ну, так и отправляйся за своим оружием. Без него тебе никак не обойтись. А клубочек тебе дорогу укажет, – старик ткнул пальцем в сторону навигатора.

Ведун шагнул за ель – и вот уже нет его, словно и не было. Атей опустил на землю и задумался. В последнее время с ним происходило столько необычного, чудесного, что юноша перестал удивляться. А удивляться было чему. Сказки становились былью, были – сказками. Как тут разобраться, где явь, а где – морок?

– Это не сон, не видение, – рассуждал Атей. – Это совсем другой мир, со своими законами, сказочными. А раз так, то и поступать нужно, как поступали бы на моем месте герои сказок. Ну-ка, вспомним, что бабушка рассказывала.

Атей представил дорогое морщинистое лицо старушки и словно услышал ее голос:

– Коли приключилась с человеком беда, мудрые люди советовали ему найти то место, где случилось с ним лихо, и, став лицом на восток, произнести заклинание...

– Ну-ка, ну-ка, нужно вспомнить слова заветные. А место и искать не придется: вот оно, у меня под ногами.

Атей вскочил с земли, повернулся в сторону, противоположную той, где недавно село солнышко, и, вспоминая, медленно произнес:

– Прости, Мать – сыра земля, в чем тебе досадил.

Заветный причет юноша повторил трижды, после каждого раза дую и плюя через левое плечо, после чего поклонился низко, касаясь лбом земли.

За елкой зашуршало, и рядом с навигатором снова объявился дед-ведун.

– Вижу, знаешь ты, паря, наши обычаи, древние. Земелюшка – матушка тебя силой наде-лит, а я тебе мудростью помогу. Коли станет совсем уж худо, так, что небо с овчинку пока-жется, сделай вот как...

Старик приподнялся на цыпочки и зашептал прямо в ухо Атея. Потом с удовлетворением чихнул и сказал:

– Коли запомнил все, что я тебе поведал, – хорошо. Коли нет – повторять не буду. А теперь – прощай, паря.

И дед шагнул за елку. Атей попытался выстроить в ряд слова, сказанные ведуном, – и не смог, запутался.

– Эх, зря, видно, дедуля старался, ничего-то я не запомнил!

Юноша подобрал с земли отломленный ветром сук, очистил его от боковых веточек и, прикинув в руке, достаточно ли тяжело его немудреное оружие, повернулся к навигатору.

– Ну что, «клубочек путеводный», пора и в путь!

Однако навигатор, слабо мерцая, оставался недвижим.

– Хм, что бы это значило?

Атей подошел к огненному шару вплотную – тот ни с места. Атей протянул к навига-тору руку – и вдруг тот погас. Вот только что был – и нет его.

– Час от часу не легче! – Атей растерянно заморгал глазами – и куда же теперь идти?

Парень снова сел на землю и попытался собраться с мыслями.

– Прежде всего, нужно вернуть оружие, – рассуждал он. – Крысовьи отнесли его в под-земные кладовые, туда, куда несут все свои находки. Там же я найду и то, за чем меня Яга послала. Так что нужно искать дорогу в крысовейник.

Атей вспомнил, как в детстве он любил наблюдать за муравьишками. От рассвета до заката сновали они по своим муравьиным делам. Тогда он заметил, что крошечные эти создания живут по своим законам, одинаковым для муравьев из разных муравейников. Кры-совьи, вероятно, тоже эти законы соблюдают, хотя, возможно, не все. Вот, к примеру, настоя-щие муравьи на закате уже все – дома, входы в муравейник закрыты до утра. А крысовьи – как крысы, напали на него ночью.

– И все же стоит попытаться отыскать муравьиные... тьфу, – крысовьиные тропы, – решил Атей. – Они выведут меня к крысовейнику.

Логично было бы предположить, что, раз крысовьи напали на путника именно в этом месте, то тропа их пролегает как раз здесь. Так что Атею оставалось только запастись терпением и ждать.

Луна давным-давно спряталась за деревьями, звезды потускнели, растворяясь в предрас-светных сумерках. Где-то далеко-далеко подал голос петух. Ему ответили другие.

– Должно быть, за лесом – деревня, – обрадовался Атей.

Он уже соскучился по людям, по нормальным, обыкновенным людям!

Рядом зашуршала опавшая хвоя. Сравнительно небольшая черная крыса деловито про-шмыгнула мимо Атея, таща в зубах дохлую птицу. Через некоторое время еще одна, побольше, пробежала в ту же сторону, толкая перед собой яйцо куропатки.

– В зубы не берет, боится раздавить. Смышленная! – Атей посмотрел на крысу с уваже-нием.

Следом за второй, нос в хвост, следовала третья, чуть подальше – четвертая...

– Вот она, крысовьиная тропа! – Атей подхватил свою палку и двинулся вслед за черными тварями. Ни одна из них не обращала на юношу внимания.

– Я для них – слишком крупная добыча, – подумал Атей.

На опушке леса юноша остановился. Впереди, прямо посреди поросшей бурьяном пустоши, высился холм. Он не был похож на муравейник, сложенный из веточек и травинок, каким представлял его Атей. Скорее, это был древний курган, весь изрытый тысячами крысиных нор. Должно быть, там, в глубине, крысиные ходы переплетались, наподобие муравьиных, вели в кладовые и выводковые камеры с крысовьятами. Увы, они были слишком малы для того, чтобы протиснуться в них, добраться до заветного хранилища!

Юноша почесал в затылке и уселся на землю. Идти дальше он не решился, заметив высывающиеся из нор острозубые хищные морды крыс – сторожей.

– Этих – не стряхнешь с ног, не раздавишь, как муравьев! – Атей вспомнил вцепившуюся в ногу крысу и поежился. – Придется пораскинуть мозгами.

Далеко раскидывать мозги не пришлось, так как юноша вспомнил, что в детстве, для потехи, он со сверстниками любил устраивать большой переполох в муравейнике. Достаточно было вылить на муравьиный дом бадейку воды – и потревоженные обитатели начинали выскакивать из внутренних помещений, таща в безопасное место своих детишек, съестные припасы и прочие ценности.

– Идея хороша, но где взять столько воды? Нужно напугать крысовьев по-другому. Чего боятся все животные? Огня! Нужно поджечь крысовейник, или хотя бы напускать в него дыма.

Такое решение показалось Атею подходящим, вот только где взять кремень? Голосащие на рассвете петухи подсказали выход из положения.

– Конечно же, нужно идти в деревню! Если не кремень, то хоть угольки из печки там непременно найдутся.

По дороге в деревню Атей несколько раз оглядывался. Ему все казалось, что кто-то упорно сверлит его взглядом. Однажды юноше даже послышался хруст ветки у себя за спиной.

Петушиный хор не давал сбиться с пути, и уже очень скоро Атей оказался в двух шагах от крошечной деревеньки. С десятков почерневших изб окружали небольшое озеро, огороды спускались к самой воде, кособокие мостки для полоскания белья явно нуждались в ремонте.

Из-за прибрежных кустов показалось смешанное стадо: коровы с телятами, несколько круторогих коз и овец. Позади стада, тяжело опираясь на клюку, шагал пастух – белоголовый старик. Видимо, ноги, натруженные за долгую жизнь, плохо слушались старика, так медленно он переставлял их.

Но вот дед заметил Атея. Лицо его, до того спокойное и умиротворенное, исказилось гримасой страха.

– Оборотень! Оборотень! – завопил пастух, заворачивая стадо назад в деревню.

– Пстой, пстой, дедушка! – Атей бросился вслед за стариком. – Какой же я оборотень? Подожди!

– Оборотень! Обратни! – во все горло вопил перепуганный пастух.

Лохматая собачонка вместо того, чтобы помогать хозяину, жалась к его ногам, поджав хвост и жалобно скуля.

«Странный какой-то дед», – подумал Атей, и это была последняя его мысль. Что-то тяжелое, лохматое, острозубое навалилось на него сзади, сдавило клыками шею и поволокло в черную бездну.

Глава 11

Сознание возвращалось. Сначала прорезалась боль в израненной шее: яростная и нестерпимая. Затем, как бы со стороны, Атей услышал свой стон. Острая вонь мокрой шерсти, и неясные силуэты лохматых чудищ довершили процесс.

Атей изо всех сил напрягся, стараясь разглядеть окружающих его существ. Огромные, как медведи, но скорее похожие на волков с удивительно смысленными глазами, они окружали юношу плотным кольцом. Вот один из зверюг, самый крупный и, видимо, неимоверно сильный, поднялся на ноги и лениво подошел к лежащему человеку. Смердная пасть с острыми белыми клыками нависла над лицом Атея, капая ему на лоб слюной.

«Конец!» – подумал Атей и невольно зажмурился.

– Серый, ко мне! – властный женский голос кнутом рассек воздух и швырнул волка на брюхо.

Тот прижал уши и, повиливая хвостом, пополз к ногам хозяйки.

Атей приоткрыл глаза, преодолевая боль, повернул голову. У распахнутой двери стояла молодая женщина, черноволосая красавица с надменно поджатыми губами и презрительным взглядом карих глаз.

– Что за пададь вы мне притащили, разбойники? – женщина подошла и ткнула Атея в бок ногой. – Сколько раз говорила, чтобы людей не таскали ко мне больше! Ну, что мне с ним делать? Определить в охрану? Так мне и вас хватает, бездельники! А ну, марш отсюда!

Волки заскулили и поползли к женщине, окружили ее, норовя лизнуть руки.

– А-а, кашки вам подавай, живодеры! Дармоеды проклятые.

Волки взвыли и замахали хвостами.

– Хорошо, хорошо, получите свою кашу. А сейчас – марш купаться!

Лохматая свора в то же мгновение умчалась. Женщина склонилась над Атеем, разглядывая его и рассуждая вслух, словно не замечая того, что пленник пришел в себя и слышит ее:

– Так что же мне из тебя сотворить, красавчик? Козла – или волка? Нет, скоты уже надоели. Может, вырастить тебе крылья, как у бабочки? Или поставить пнем у болота? Ах, все – не то, все – скучно! Пожалуй, не буду торопиться. Придумаю что-нибудь особенное. Серый, ко мне!

Рядом с хозяйкой возник крепкий голый мужик с мокрыми волосами и каплями воды на смуглой коже.

– Что, уже окунулся? – женщина скользнула по мужику равнодушным взглядом, не замечая его горящих глаз. – Отведи-ка вот этого в свое логово, да смотри, чтобы не убежал!

– А кашка? – казалось, огонь из глазниц мужика вот-вот выплеснется наружу.

– Будет, будет кашка, не верти хвостом, волчище.

Волчище? Атей только теперь обратил внимание на то, что женщина, позвав волка, Серого, разговаривает с мужчиной.

Тем временем крепкие мужские руки схватили юношу за шиворот, поставили на ноги и толкнули в спину.

– Пошел!

Логово, куда привел Атея Серый, представляло собой довольно большую пещеру с высоким сводом. Свет проникал в нее через отверстие в потолке, под которым располагался очаг. И стены, и потолок крепились каменной кладкой, из чего Атей сделал вывод, что пещера – дело рук человеческих, а не естественная пустота.

У стен пещеры юноша заметил грубо сработанные лежанки. На некоторых из них сидели и лежали голые мокрые мужчины.

Самое интересное творилось в дальнем углу. Там, возле большого деревянного чана, толпились волки. Вот один из них вспрыгнул на подставку и нырнул в чан. Вода покрыла животное с головой и даже выплеснулась наружу. Волка не было видно довольно долго, так что Атей даже подумал, не утонул ли он? Но, наконец, из воды показались человеческие руки, ухватились за край чана, и голый мужчина вылез наружу, отфыркиваясь и отряхивая с волос влагу. Его место в купели тут же занял следующий волк.

«Так они – оборотни!» – догадался Атей и в то же мгновение получил пинок в зад.

– Пошел!

К упавшему на четвереньки Атею подошел молодой мужчина и протянул ему руку:

– Поднимайся, дружище!

– Ты, Крон, не мути воду, – огрызнулся Серый. – Какой он тебе дружище? Мы все тут – волки, значит – каждый сам по себе.

– Это оборотни сами по себе, а волки – одна стая. Лучше бы я был настоящим волком, – грустно заметил Крон.

– Никто тебя насильно в чане не купает, сам лезешь, как все. Вот только не пойму, чего ради ты это делаешь? Мы-то – ясно, зачем: за глоток кашки каждый готов на все, что угодно. А ты кашу не ешь, я замечал.

– Тебе этого не понять! – Крон усмехнулся. – Может, он поймет.

– Да пошел ты, малохольный! – Серый сплюнул себе под ноги и повернулся к Крону спиной.

– Он здесь главный? – спросил Атей своего заступника.

– Среди оборотней – да. А хозяйка у нас – Кальма.

– Так это и есть Кальма – колдунья? Я должен был догадаться сам.

– Значит, ты о ней слышал? А я думал, ты нездешний.

– Так и есть.

– Как же ты оказался в наших краях?

– Это длинная история.

Разговор прервало появление пестрого козла. Животное вкатило в пещеру небольшую тележку, в которой стоял горшок, накрытый крышкой, и дюжина глиняных мисок. В одно мгновение все мужчины оказались возле тележки, а не успевшие принять человеческий облик волки – разом окунулись в чан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.